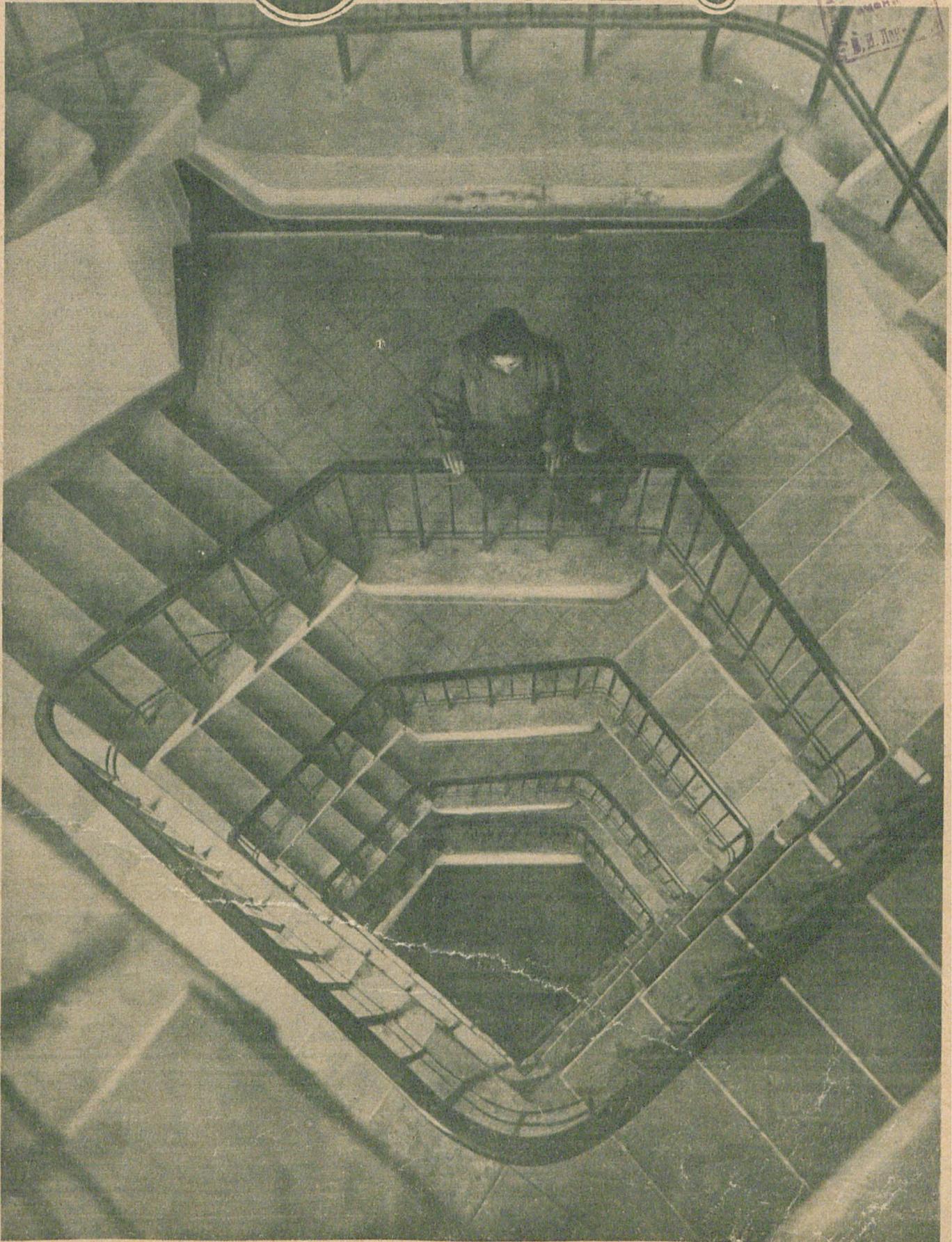

IV 146
13

Огонек

Меня
В. И. Лу...

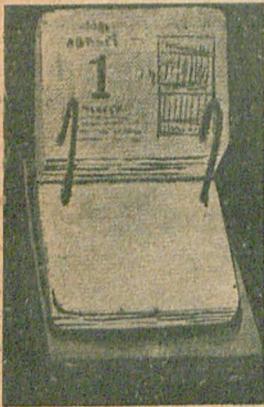
НА ЛЕСТНИЦЕ НОВОГО ДОМА...

Фото-этюд А. Шайхета.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

„НАСТОЛЬНЫЙ ПЕРЕКИДНОЙ КАЛЕНДАРЬ“

3-й год издан. НА 1929 ГОД 3-й год издан.

Календарь размером 12×14 см., на буквой подставке с никелирован. дужками. Напечатан на бумаге высшего качества. Служит украшением письмен. стола. Очень удобен для пользования и для всяких заметок.

Несмотря на все свои преимущества—самый дешевый из всех настольных календарей. Цена с подставкой—1 р. 40 к., без подставки—80 к. Подставка может быть использована в течение ряда лет.

ТОРГОВЫМ ОРГАНИЗАЦИОННЫМ СНИДКА.

Быстрое исполнение заказов. Тираж ограничен. Выписывайте заблаговременно. При высылке денег вперед—пересылка бесплатно.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

Москва, Центр, ул. Дзержинского, д. 15/22.
Издат. „ТРАСПЕЧАТЬ“ НКПС.
ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ.

НОВАЯ КНИГА
Б. С. УТЕВСКИЙ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПНИКИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Содержание: Убийца 24-х.— Убийство и самоубийство.— Человек в масках.— Смысл бороды.— Неизменность метода.— Людоед.— Цена ночи, и другие.

Цена 1 р. 60 к., с пересыл. 1 р. 80 к.
СКИДКА ИЗДАНИЯ:
Москва ГСП 2, Ильинка, 21/0,
Издательство ИИВД.

ШВЕДСКИЙ ШИЛЕТ

ИЗ ШВЕДСКОЙ СТАЛИ
„САНДВИКЕН“
РУССКО-ГЕРМАНСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА

Е. С. ФРЕНКЕЛЬ и К. К. ПЛЕЦ.
Москва, Лесная 11.
ПРОДАЖА ВЕЗДЕ

„КУРС ВУХАЛТЕРИИ“
проф. Г. П. Леонович.
Проект и 1-ую лекц. высыл. за почт. марки на 24 к. Киев. Троицкий пер. № 4, кв. 10.

ВЫ ИМЕЕТЕ
возможность получить по почте в 3-х днях **ВСЕ КНИГИ** по самообразованию, учебники по технике, медицине, экономике, философии, сел.-хоз. классиков и пр. Заказы, запросы и деньги адресуйте: Москва, 9, Мохомая, 22/0. Книжный склад Кооперат. Изд. Т-во „Самообразование“.

„КРАСИН“ И „МАЛЫГИН“
полярный поход советских ледоколов Новая научно-популярная игра, составл. участ. экспедиц. Юр. Гёко. Участвуют ледоколы „Красин“ и „Малыгин“, самолеты Чуховского, Бабушкина, дирижабль „Италия“ и ездовые собаки. Карта Шницбергера. Издае. Снабосоавиахима Ленингр. Области, Ленинград, Мовка, №61. Высыл. налож. плат. Цена 2 р. 25 к.

САМОУЧИТЕЛИ
по нотно-цифровой системе

БАЯН для хроматической гармонии всех систем Орланско-Титаренко—3 р.
ВЕНСКАЯ 2-х рядн. гармонь для нем. и русск. строя Сергеева и Годубова—1 р. 75 к.
БАЛАЛАЙКА Исакова (по нот.-цифровой системе)—80 к.
БАЛАЛАЙКА-прима Привалова (по нот.-цифр. сист.)—1 р. 25 к.
ГИТАРА (семистр. гит. по нот.-цифр. сист. Фишера)—1 р. 20 к.
АЛЬБОМЫ с I по X (для семиструнн. гитары по нот.-цифровой системе) Фишера по 1 р. и по 1 р. 50 к.
НОВЕЙШИЙ САМОУЧИТЕЛЬ для семистр. гитары Яшнева (по нот.-цифр. сист.)—1 р. 20 к.
СБОРНИК пьес для семиструнной гитары Яшнева (по нот.-цифровой системе) 1 р. 20 к.
НОВЕЙШИЙ САМОУЧИТЕЛЬ для мандолины Яшнева (по нот.-цифр. сист.) 75 к.
ШНОЛА ИГРЫ НА СРЯПНЕ Лесман (не самоучитель), с предисл. проф. Ленингр. консерватор. Каратыгина—50 к. Высыл. кн. маг. „ТЕХНИК“ (А. А. Климонов) Ленинград, Ново-Александровск. рын., 64/0.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМ

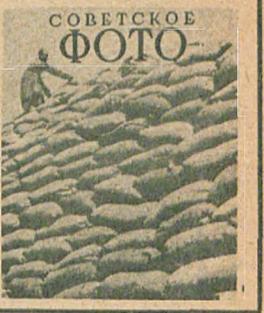
ЗА РУЛЕМ

В НОМЕРЕ:
В. Дмитриев—Дорожный с'езд и общественность. Слово за читателями! Проф. А. Верховский.— Моторизованные войска. Ижм. С. ТАГЕР.— Гусеничные автомобили на резиновом ходу. Д-р Л. Броштейн.— В каких условиях работает советский шофер. Вдоль Автодорожных полентнов. Трагические гоним. Р. Прагер.—Сутки шофера такси (очерк) Проф. Е. Чуданов.— Устройство автомобиля. Ижм. Н. Уховский.— Будущее мелкого механического транспорта, и мн. другое. 61 иллюстрация. Цена номера 30 коп. Подписная плата с октября до конца года 85 и.

В НОМЕРЕ:

Привет 4-му Всесоюзному соещанию рабселькоров! О задачах советской фотографии. Беседы по химии. Фотографирование при магнии. Как работать в фото-кружке. Загадочный снимок (фотографическая „Викторина“). По иностранн. журналам. Октябрьский фотографический конкурс. Таблицы экспозиций на ноябрь и декабрь—и пр. 16 самостоятельных фото-иллюстраций. Цена номера 50 к. Подписка на 2 мес.—90 коп.

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:
МОСКВА 6, Страстной бульвар 11, Анцион. Издат. О-ву „ОГОНЕК“.

НОТЫ

почтой
любие, неизменног. смысла, наложен. плат. МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА (Москва, Нелинская, 14/10),
КАТАЛОГИ: (фортепиан., вокальн., болн., дузов. орк., струнный, мас. худож. литер. кнж. по музыке).
ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО!

Интересная

И ПОЛЕЗНАЯ КНИГА
„Ораторское искусство“, с прилож.: „Искусство спорить и острить“. Составл. по соч. проф. Э. Гейслера, З. Фрейда, Р. Герлинга и др. Высмысл. по издуч. 1 р. 20 к. или налож. плат. на 1 р. 35 к. Адрес: г. Пенза, аэмомонти. ящ. № 30 (тридцатый), издателью Г. Д. ДАВЫДОВУ.

Н. НИКАНДРОВ

РЫНОК ЛЮБВИ

РОМАН. 4-е изд. 2 р. 20 к. Высыл. налож. плат. МОСКВА 9, ул. Герцена, 22/0, „Московское Товарищество Писателей“.

Глазенап. ШКОЛА КРОЙКИ НА ДОМУ

„ЗАКРОЙЩИК“
изд. 1927 г. Ц. 2 р. 90 к. с перес. Н. И. Поленицкий.— Домашн. приг. меда, браги, бузы, кваса, фрукт. и газир. вод, шиповок, опронов, соков и пр. 144 стр. Ц. 1 р. 05 к. с перес. „НАУКА И ЗНАНИЕ“. Ленинград, Пр. Володарского, 59/к. Л. С. Степанов.

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ
Все виды спорта „ДЖИУ-ДЖИТСУ“ и др. Одобр. Ленин. Советом Физкультуры. Выше 500 стр., 100 рис. Ц. 2 р. 50 к. „Наука и Знание“, Ленинград, Пр. Володарского 59-к. Л. С. Степанов.

ПРОТИВОЗАЧАТОЧНЫЕ СРЕДСТВА
и их применен. с точки зрения соврем. науки. Д-р Блюменану. Изд. 1928 года. Ц. 1 р. 50 к. с пересылкой. „НАУКА И ЗНАНИЕ“, Ленинград, пр. Володарского 59-к. Л. С. Степанов.

В ближайшее время начинает выходить ежемесячный популярно-технический иллюстрированный журнал **„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“**
орган Центрального бюро по реализации изобретений и содействию изобретательству (ЦБРИЗ) при ВСНХ СССР, с приложениям бюллетеня официальных распоряжений по изобретательству.

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“— массовый журнал, направляющий и организующий творческую мысль изобретателей, усиливает их средства и труд, освещает жизнь и работу советских изобретателей; борется с волокитой в производстве ценных изобретений и преследованием изобретателей.
„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“— дающий необходимые технич. сведения и разъясняющий правовые вопросы изобретательства, нужен каждому рабочему, технику, инженеру, хозяйственнику.

ПОДПИС. ЦЕНА до конца года (3 номера) — **ОДИН РУБЛЬ.**

Изобретателей и комисии содействия изобретательству просим сообщить свой адрес для установления связи.
ЗАКАЗЫ И ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ:
МОСКВА 6, Страстной бульвар, д. 11.
Акционерн. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.

„СЕКАРОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ“

ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ
приготовленная по способу профессора ДРА БЮХНЕРА

ЦЕНА ФЛАКОНА **2 РУБ.**

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНГИГЕННЫХ СССР.

В СЛУЧАЕ ОТСУТСТВИЯ НА МЕСТАХ высылается из Главного склада не менее 4-х флаконов при получении 25% задатка

пересылка и упаковка ЗА НАШ СЧЕТ

ЛЕЧЕБ. УЧР. И ВРАЧАМ для испытания **„GRATIS“**
входят в объединение **„МОСКОПРОМСОЮЗ“**

ЛАБОРАТОРИЯ КООПЕРАТИВА **„ИЛЕН МОСКВА“** МОСКВА
40 ГЕРЦЕНА
№ 5/Ота. 110

ХХ 1926
73

№ 46 (294). 11 ноября 1928 г.

ПОСЛЕ СХВАТКИ В ЛОДЗИ

От нашего варшавского корреспондента.

После 17-дневного перерыва трубы лодзинских фабрик опять задымили. Рабочие, преданные вождями, понуря головы возвращаются на работу. Забастовка ликвидирована. Предательством вождей подорваны силы одной из самых импонирующих схваток пролетариата с капиталом.

Бастующие выданы с головой на произвол текстильных королей Лодзи, которые уже с первого дня прекращения забастовки не впустили в свои фабрики более активных участников забастовки.

Депутаты - коммунисты: наверху тов. Росяк; посередине—тов. Сыпула; внизу—тов. Вятнер.

Вспомните. Бастовали абсолютно все фабрики и заводы.

Город замер.

Начиная с 1905/6 года, в Польше не было подобной забастовки. Она развивалась с невероятным размахом. Несмотря на голод, начавшийся уже на второй день забастовки, рабочие держались так стойко, как никогда. Лозунгом бастующих Лодзи было: „Лучше умереть с голоду, чем поддаться“.

Несмотря на противодействие профсоюзов, всеобщая забастовка вылилась в грандиозную демонстрацию всего лодзинского пролетариата.

Всеобщая забастовка в Лодзи запомнится.

Возглавляемая коммунистами демонстрация на центральной улице Лодзи

В дни забастовки Лодзь была заперта полицией. Не доверяя местной полиции, власти стянули в Лодзь в громадном количестве полицию с самых отдаленных районов. Полицейские спаивались водкой — каждому из полицейских выдавалась бутылка водки в день. Полиция старалась.

Активность масс была невероятная. Женщины-работницы шли в первых рядах. Они бросались на полицию с голыми руками, или с единственным оружием, состоявшим из снятых с ног собственных башмаков.

Властителями дум восставших на защиту своих прав рабочих были коммунистические депутаты—т. Вятнер, Росяк и Сыпула. Митинги, на которых они выступали, вылива-

лись в бурные демонстрации. Их фамилии стали боевыми лозунгами. Большинство коммунистических митингов было рассеяно. Депутаты-коммунисты с самого утра окружались кольцом полицейских, которые следовали за ними по пятам.

Было найдено средство также против этой напасти. Окруженные кольцом полиции, депутаты разгуливали с утра до позднего вечера по запертым рабочими улицам и во время движения произносили свои речи. За ними следовала рабочая масса.

Благодаря сложному механизму предательства, имея в своих руках официальное руководство забастовкой, пепесовцы сумели сорвать ее. Героическая борьба лодзинского пролетариата в октябрьские дни 1928 года — это незабываемый вклад в историю революционных боев в Польше.

Профсоюзные дельцы пытаются представить последнюю забастовку, как акт отчаяния изголодавшихся рабов. Это сознательная клевета. Лодзинская забастовка была классическим примером сознательного классового боя, в котором было применено лучшее пролетарское оружие—единый рабочий фронт снизу, через головы вождей. Забастовка была сломлена общими организованными и плановыми усилиями промышленников, социал-предателей, запродавшихся буржуазии профсоюзных чиновников, правительства и пьяной полиции.

Для расчищения дороги к победе польского пролетариата, для разъяснения политического горизонта лодзинских рабочих—октябрьская схватка в Лодзи имела перво-степенное значение.

Недаром жаловалась буржуазная печать, что по мере развития размаха забастовки, по мере дискредитирования официальных вождей профсоюзов и по мере роста влияния коммунистов в бастующей Лодзи все чаще раздаются лозунг:

— Да здравствует СССР!

Полицейская охрана у здания профсоюзов.

И. Кузнецов.

ОН РЕШИЛ ДЕЛО

Очерк А. Аросева.

Комната совсем квадратная, ярко освещенная. Большие окна не занавешены. В них смотрит скачущий на дом бронзовый генерал Скобелев. Большой, неуклюже пододвинутый к стене стол, покрытый зеленым сукном. За столом тесно уселось много, много лиц. Все так хорошо знакомые, все такие близкие, все такие горячие, все такие бледные, все такие зоркие и напряженные. В комнате тепло и от печки, и оттого, что в ней слишком много накурено. Мест нехватает за столом. Некоторые, позднее пришедшие, садятся во втором ряду, за первыми. Стульев нехватает, остаются стоят. Много, много незабываемых лиц. Один по одному отходят они туда, где лежат без движения, как камни в подземных пещерах.

Вот у самой стены, подперев щеку своей рыхлой полной волосатой рукой, с беспокойным взглядом, но со спокойными движениями,—т. Ногин, Виктор Павлович. Его уже нет. Вот сзади него стоит и жестикულიрует даже тогда, когда молчит, вечно порывистый, неустанный, непреклонный Усневич—и его нет. Вот там, на отдаленном углу стола, среди других лиц привлекает своей бледностью и лихорадочными глазами и тем особенным направлением лица вперед, какое бывает у идеалистов, беспечно и безоглядно верующих в то, что наступит все же счастье для людей,—т. Подбельский. Но и его уже нет.

А вот среди стоящих, над их головами, словно на морских волнах плывущую, я вижу упрямую голову, острые глаза, как из камня высеченное лицо, лицо суровое. По морщинам его вы читаете, вы догадываетесь, что привыкло это лицо длинными тихими зимами и осенними, и весенними, и даже летними месяцами вынуть над толстыми фоллиантами, над разбросанными по столу рукописями, перемешанными отчасти с табаком. На человеке этом русская рубаха, под которой вырисовываются

крепкие ключицы и впалая от ночных работ грудь, и мускулы, в особенности мускулы правой руки, которая пишет, которая похожа на руку пахаря, бросающего семени. Кто не знает второй руки, которая размашистым жестом представляла русской читающей публике Маркса, которая кропотливо считала, делала диаграммы, писала самые популярные русские слова о труднейших экономических проблемах. Это он, это громогласный т. Скворцов-Степанов. И вот его тоже нет.

И потому что его нет, и потому что и все те не многие, которые сидели в ярко освещенной комнате 27 октября (старого стиля) 1917 года, тесно прижавшись к столу,—отойдут с роковой неизбежностью туда же, мне хотелось бы сказать о том великом громогласном слове, которое во время было произнесено т. Скворцовым. Конечно, мы, марксисты, понимаем, что слово не может решить дела, но слово может помочь делу или затормозить и изуродовать его.

Слово т. Скворцова решило великое колебание.

Люди, стеснившиеся за столом, ведя через т. Муралова переговоры с предводителем белых в Москве, с полковником Рябцевым—вдруг заколебались. Рябцев ставит ультиматум и грозит не только кровопролитием, но и победой. Задумался каждый, ибо ведь каждый человек, каждый в какой-то степени слаб. Надежда—этот ангел-соблазнитель—кружила легкая голова: авось договоримся с Рябцевым. Ну, к чему, в самом деле, станет он сопротивляться, когда в Питере все равно дело решенное! Попробуем, еще попробуем с ним поговорить, его склонять, убеждать, урезонивать и т. д. Попробовали, и получили новый ультиматум, и снова задумались, заколебались. И вот наступил жестокий, острый момент, когда московское дело могло быть испорчено, а следовательно—поступательный ход

нашей революции был бы заторможен. Наступил такой момент, редкий в истории, когда решает дело не взвешивание, не рассуждения, не логика и резоны и даже не вера, а одна беззаветная смелость. Но и смелость поможет делу лишь тогда, когда она совершена в последнюю секунду последних колебаний. И вот она, эта секунда, пробила, спустилась на зелено-суконный стол бывшего губернаторского дома и невидимо побегала, как разбившаяся, упавшая на камень капля-дождинка в разные стороны, чтоб исчезнуть так же, как исчезают люди в вечности.

В эту секунду один из сидевших—его теперь нет—спросил, беспомощноводя глазами по нашим лицам:

—Что же теперь мы должны решить?

И вдруг громогласно, как только что пробившийся, родившийся водопад внезапно вылетает густым потоком из скалы и с силой устремляется, низвергается вниз, тов. Скворцов-Степанов, доминируя своим ростом над всеми головами, сказал:

—Одно решение сию минуту возможно: всякий, кто боится смерти, да покинет сей дом.

И после этих слов, которые сняли, разорвали нещадно в ключья пелену надежды, окутывавшую нашу глаза, зашумели отодвигаемые стулья, люди встали и поспешили исполнять каждый свою часть великого дела. И прежде всего мы разорвали телефоны, которые нас еще соединяли с врагом, по которым сочилась губительная надежда, на которых, как на не перерубленных жилах, болталась отрубленная, ненужная, гангренозная нога.

Слово т. Скворцова-Степанова было последним,—за ним заговорили пулеметы, ружья и пушки.

Началось великое московское восстание за власть советов.

А. Аросев.

ТЕТУШКУ ПОХОРОНИЛИ...

Письмо из Копенгагена.

Дания—страна „демократическая“. Если в этой маленькой стране еще сохранилась монархия, то это отчасти объясняется слабостью датского бюргера к блеску придворного церемониала.

Ежедневно радуются сердца копенгагенских обывателей, когда в полдень королевская гвардия в блестящих мундирах, с музыкой марширует по главным улицам столицы к королевскому дворцу, впереди и сзади сопровождаемая большой толпой любопытных зевак.

В пятницу 19 октября королевская гвардия также маршировала по главным улицам. Она в этот день была одета в свои самые праздничные мундиры. А впереди ехал целый взвод королевских драгун.

Толпа впереди и сзади была в десять раз больше обычного. Это был незабываемый день. У копенгагенских бюргеров разболелись глаза от невиданного блеска золотых и серебряных мундиров, орденов, звезд, нарядов и карет специально прибывших королев и принцев, бывших великих князей, простых князей, графов, баронов, камергеров, попов и др.

Королевская гвардия в этот день не дошла до дворца своего монарха; она остановилась на Бредгаде, против русской церкви. В этот день хоронили старую тетушку короля Христиана X, бывшую русскую императрицу Марию Федоровну. У ее гроба стояли в почетном карауле бывшие генералы. Они очень хотели для этого случая одеть свои генеральские мундиры, но, как датские газеты с прискорбием отметили,

эти мундиры за одиннадцать лет так слежались в сундуках, что лишились своего достойного вида, и генералам пришлось стоять в штатском.

В общем, датские буржуазные газеты приняли живое участие в смерти королевской тетушки и с большим любопытством присматривались к воскресшим из забвения представителям романовского дома. Особенно они заинтересовались „великим князем“ Кириллом Владимировичем. Этот „главный претендент на русский престол“ не остановился, как все его родственники, в гостинице, а в самом королевском дворце.

В этом самом дворце „его императорское величество“ Кирилл принял одного датского журналиста, который должен был пройти чистилище длительного придворного этикета, пока он

предстал перед ясные очи „его величества“. Когда он, наконец, очутился в кабинете, Кирилл посетил его в свои планы на будущее, заявив, что своим „манифестом“ от 13 сентября 1924 г., в котором он объявил себя царем, он „закрепил за собой все законные права на русский престол“.

Казак „ее величества“.

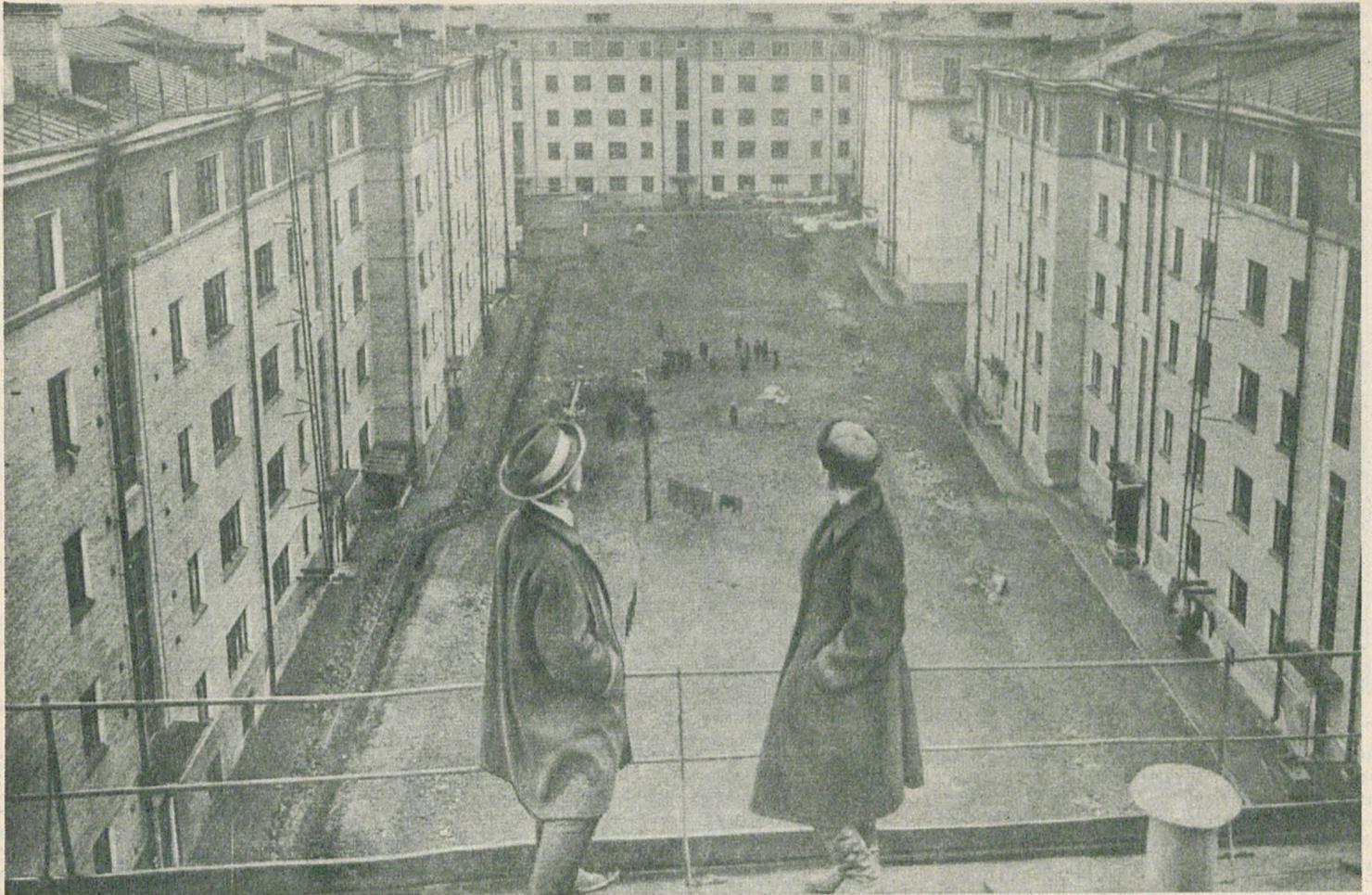
русской семьи отреклось от Кирилла и большинство старых монархистов.

Г. Нордман.

„Тетушка-покойница“.

НОВЫЕ ДОМА, НОВЫЕ УЛИЦЫ

Наверху: к 11-й годовщине Октября рабочие ряда московских фабрик переселены во вновь построенные дома на Усачевке, оборудованные по последнему слову техники.
Внизу: ряд воскресников по сбору железного лома дает большое количество черного металла, необходимого советской металлургии. Кomsомолки-работницы Трехгорной мануфактуры—несут собранный ими железный лом.

У Н Е Г Р О В

Очерк Люка Дюртена.

— Вы намерены посетить наш Юг? — спросил меня один интеллигент из прекрасного города Вильмингтона, который находится в самом центре Северо-Американских Соединенных Штатов. — Мanners обращения там с цветными людьми, а также некоторые характерные местные особенности в состоянии поразить и даже шокировать европейца. Очень прошу вас: не судите нас с первого же шага слишком строгим судом. У нас насчитывается десять миллионов негров, и этот факт создает тяжелое, очень тяжелое положение.

Можно долго путешествовать по северу Соед. Штатов и не иметь ни малейшего представления о всей важности так называемой „черной проблемы“. Однако очень много цветных людей проникло на Север в течение последних лет, когда была регламентирована или, гораздо точнее, совершенно прекращена европейская иммиграция. Нет больше ни нашествия иностранных рабочих, ни разговора об этом. Великая заокеанская республика, желая обеспечить своим гражданам сытую жизнь, запретила въезд в с л я к о м у иностранцу, не имеющему солидной чековой книжки. Но, ввиду

Люк Дюртен в Ново-Орлеанском черном университете — ректором и профессором его.

недостаточной сравнительно плотности населения, она вынуждена прибегать к сотрудничеству негров, родившихся в Америке. Ну, и вот: для обслуживания лифтов и железнодорожных вагонов, для чистки сапог, для носки тяжестей и, в особенности, для всех тех грязных и изнурительных работ, от которых категорически отказывается белый, призывается негр. Это чрезвычайно удобно!

Но вот, спустившись на юг, вы пересекаете глубокие бухты, врубленные в континент, проезжаете Вашингтон, весь состоящий из авеню и роскошных дворцов, безмерную Филадельфию, — город с наибольшей площадью в мире. Вы проводите лишь одну ночь в вагоне, и утром просыпаетесь среди первых хлопковых полей, среди илтистых красных рек, среди первых хижин на сваях, — на тех сваях, что так дороги сердцу негра.

Здесь вы уже видите на вокзалах две залы для ожидающей публики. Одна — шикарная, со всеми удобствами. Другая — грязная и жалкая. На одной надпись: „для белых“, на другой — „для цветных“.

Еще одна ночь в поезде! И вот, выйдя утром из этих широких дортуаров с зелеными шторами, в которые превращаются на ночь все американские палубы, попробуйте выглянуть в окно. Болота, окаймленные пальмами! Кипарисы и дубы с причудливыми гирляндами серого мха, придающего всей Луизиане такой феерический вид! Вы находитесь уже совсем близко к Новому Орлеану, в котором цветные люди составляют треть населения.

В первый же день приезда в Новый Орлеан я в сопровождении моего доброго знакомого, местного жителя, занял место на задней площадке одного из тех прекрасных вагонов трамвая, которые циркулируют вдоль бульваров и элегантных резиденций, осеняемых кокосовыми деревьями, величественными пальмами и фикусами.

— Пройдите вперед, — сказал мне приятель, — места на задней площадке предназначены исключительно для Джимов-Крю.

„Джим-Крю“, Воронье Лицо“, „Угловое Лицо“, „Грязное Лицо“ — вот любезные прозвища, которыми здесь награждаются

негры и которые им швыряют в лицо на каждом шагу по поводу и без оногo.

— Ну, а что будет, если я преступлю это постановление и останусь здесь?

— Что будет? Кондуктор заставит сойти с площадки всех негров, вот и все! Тут не допускается, чтобы белый оставался в обществе негров. — Он помолчал, а потом добавил с улыбкой: — Вы видите этот бульвар, который в своем оживлении создает впечатление, точно обе расы слились воедино?

И он указал мне на мощную артерию, которую мы пересекали и которая, начиная от Миссисипи, разделяет два совершенно разных города. С одной стороны — „французское каррэ“, с узенькими улицами, низенькими домами и очаровательными балконами из кованого железа. С другой — новый американский город, с его небоскребами и банками. На этом бульваре, среди толпы — преимущественно белой — снова доволно много негров: продавцов газет и журналов, слушающих, пышногрудых матрон и даже несколько полисменов цвета эбенового дерева. По первому взгляду судя, можно было подумать, что прекраснейшее

соглашение царит между расами. Видите ли: расы сталкиваются, но они никогда не сливаются. Если какая-нибудь белая вздумает появиться на улице в обществе черного, то эта парочка не сделает и 20 шагов. Ее оскорбят, а его побьют или, быть может, просто напросто линчуют. И убийство это пройдет абсолютно безнаказанным. Интересно еще следующее: не только живые люди оказываются разделенными между собой, той же участи подвергаются и дома! Посетите целый ряд городских районов, и вы повсюду увидите, что там или здесь живет исключительно одна раса. Имеется, правда, несколько смешанных кварталов, но стоит и там поселиться черному, как тотчас же из всех соседних домов выезжают белые.

Разве же браки между белыми и черными не воспрещены на всей территории Южных Штатов? Разве же равноправие всех граждан, значущее в американской конституции, не извращено так, что от Техаса до Виргинии от него ничего ровно не осталось в пользу черных? И разве же ограничения, связанные с образовательным цензом и в нужных случаях прибегающие к поддержке револьвера, не гонят прочь от урн черных избирателей? Даже — и преимущественно! — в тех городах, где черные граждане являются преобладающей частью населения, никогда не проходит ни один цветной житель!

Посетите негритянские кварталы — будь то в Чарльстоне, Новом Орлеане или Монгомери, — и вы повсюду отметите, что внешний вид улиц и гигиена ухудшаются по мере того, как вы углубляетесь в гетто, отведенное черным.

— Это — страшно размножающаяся раса, но, к счастью, невероятная смертность исправляет это положение вещей! — с нескрываемым цинизмом объявил мне один политикан с Юга. — Вы отлично понимаете, что мы не принимаем никаких мер борьбы с этой смертностью!

Ни гигиена, ни образование не считаются обязательными для негров. И приходится только удивляться тем грандиозным успехам, каких добилась черная раса за последние несколько лет. Я посетил во многих городах школы первой ступени для черных детей. Вместе с общим образованием здесь обязательны курсы кройки, шитья и кулинарии для девочек, столярное и слесарное ремесла — для мальчиков.

— Прежде всего мы желаем уравнять нашу расу с белой в области чисто прикладного искусства. Интеллектуальное образование придет позже!

В результате уже довольно явственно вырисовываются те завоевания материального характера, к которым стремятся воспитатели обездоленной расы. Теперь нередко видеть негритянские небоскребы, значительные банки и общества взаимного кредита для цветных клиентов.

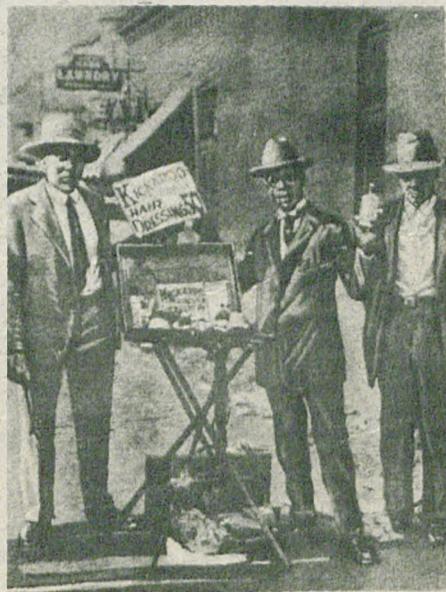
В Южных Штатах издается уже большое количество газет и журналов, редактируемых и финансируемых неграми, — от знаменитого „The Crisis“ и кончая бесчисленными листками, которые выходят во всех городах американского Юга.

Ну, а как обстоят дела в моральном отношении? Наблюдается ли тот же порицательный тон, что и раньше? Пожалуй, что нет. Имеется много романов, посвященных негритянской жизни, но, в отличие от прежних времен, эти романы пишутся уже самими неграми. Пьесы на тему об южных правах пользуются в Нью-Йорке чрезвычайным успехом. Тот же Нью-Йорк, пресытившись европейскими новшествами и новинками, увлекается негритянскими джазбандами и песенками, совершившими полный переворот в вокальном искусстве.

В Straight - College, ново-орлеанском черном университете, читаются лекции по литературе, лингвистике, физике, химии и т. д. многочисленным студентам, цвет кожи которых колеблется между сепией, бронзой, шоколадом, кофе с молоком, охрой, беж и сигарой. Все оттенки, кроме розово-белого!

Мне пришлось как-то посетить черный университет в Тюскеги. Это — ряд удивительных зданий, подсобных которым нет в Европе, и которые построены на средства известного филантропа Букера Вашингтона. Мой приезд совпал с визитом начальника края, губернатора штата Алабама. Я приехал как раз во время и присутствовал на торжественном приеме, устроенном полторатысячной аудиторией, пахнувшей мускусом и крепким овечьим потом. Профессор, любезно согласившийся быть моим гидом, склонил к моему уху голову и с широкой улыбкой на лице сказал мне следующее:

— Надо вам знать, что этот самый губернатор — член Ку - Клуks - Клана, и что, другими словами, он принадлежит к числу самых злейших врагов наших. Тем не менее,

Негр, рекламирующий элексиp для разглаживания вьющихся волос.

МОНОПОЛИЗИРОВАННЫЙ „ЦЕППЕЛИН“

Письмо из Берлина.

В четверг 11 октября на рассвете вылетел из своей базы у Боденского озера воздушный гигант, германский дирижабль „Граф Цеппелин“.

Человек, не бывший в это время в Германии, не может представить себе того буйного восторга, которым были охвачены буржуазные и социал-демократические круги Германии, когда „Граф Цеппелин“ отделился от земли. И только коммунистическая печать осмелилась сказать истину о целях полета. „Суть не в техническом прогрессе и в завоевании воздуха, — писала „Вельт ам Абенд“. — Целью всего предприятия является реклама немецкой крупной промышленности, а также открытое и тайное воздушное вооружение. Весь полет является крупной сделкой с американскими и германскими националистическими газетными трестами, которые купили монопольное право на получение всех известий о полете“

Драма, которая разыгралась, когда „Граф Цеппелин“ летал над океаном, и следовавшие за ней странные события, очень выразительно говорили о правильности коммунистической оценки.

Как только дирижабль миновал европейский континент, сообщения от него стали поступать все реже и реже. А начиная с утра пятницы немецкие радиостанции ловили

„Граф Цеппелин“

Внутренний вид пассажирской гондолы.

только непонятные шифрованные ванные телеграммы, которые передавались с дирижабля американским газетным трестам, купившим монополию. Волнение в общественных

кругах нарастало. Оно перешло в тревогу, когда из скудных извещений монополистов стало известно, что дирижабль настиг ураган и что он значительно уменьшил свой ход. После перелета Бермудских островов „Граф Цеппелин“ почти остановился, и английская газета „Дэйли Экспресс“ с удивлением констатировала, что дирижабль за 12 часов пролетел только 80 миль.

Начали распространяться тревожные слухи о повреждениях дирижабля, о катастрофе над океаном. Американское морское ведомство приказало своим судам в Гаване, Чарльстоне быть готовым к выходу на помощь дирижаблю. Но оно было бессильно что-нибудь сделать, так как энергичные радиозапросы дирижаблю о его местонахождении оставались без ответа. Истинного положения никто не знал. Монопольные газеты хранили гробовое молчание и только успокаивали, что „все обстоит благополучно“. А их агенты на дирижабле запрещали капитану „Цеппелина“ д-ру Эккнеру просить о помощи. Национальный престиж выше всего.

В понедельник в утренних газетах напрасно искали известий о положении дирижабля. Настроение оставалось напряженным. А в 3 часа немецкий читатель, развернув коммунистическую „Вельт ам Абенд“, прочел телеграмму ее нью-йоркского корреспондента, которая произвела впечатление взорвавшейся бомбы. Эта краткая телеграмма гласила: „Я только что узнал, что в большом американском газетном тресте Херста получилось сообщение от дирижабля, которое уже несколько часов должно быть известно германским издательствам Шерля и Ульштейна, имеющим монопольное право на сообщения в Германии. В тайной радиотелеграмме сказано:

„У „Цеппелина“ произошла поломка руля. Он с субботы царит над океаном без управления. С большими трудностями производится ремонт. Среди пассажиров паника. Из продуктов остались только хлеб, вино и икра“.

Эта телеграмма, как яркий луч прожектора, осветила закулисные махинации американских и немецких дельцов, из своих монополистических интересов оставивших без помощи над океаном дирижабль, на котором находилось 60 человек.

Но это не все. Когда „Цеппелин“ с неимоверными трудностями добрался до Америки и журналисты окружили прилетевших с дирижаблем представителей германского

Профессор Эккнер в пассажирской гондоле.

и американского правительства, последние отказались дать какие-либо сведения о полете, ссылаясь на то, что командование дирижабля связано монопольными договорами с американскими и германскими газетными трестами, которые первые должны получить все подробности о полете.

Соц.-дем. „Форверте“ и католический орган „Германия“ возмущаются этими коммерческими махинациями вокруг „Графа Цеппелина“, построенного на собранные в стране деньги.

„Форверте“ напрасно горючатся. Он хорошо знает, что под маской патриотических начинаний и национальных подвигов всегда кроются узкие интересы крупного капитала и его приспешников. Он сам этому помогает, охраняя капиталистические устои от тлетворного влияния коммунистической пропаганды.

Э. Гаусман.

обстоятельства складываются теперь так, что он должен приехать к нам.

Итак, одновременно: гетто и широкая государственная поддержка, полная нетерпимость и признание существующего факта. Негры в Америке, это—своего рода постороннее тело, застрявшее в глотке, которое нельзя ни проглотить, ни выплюнуть. Вот проблема, которую почти невозможно разрешить.

— Я полагаю, — продолжал мой гид, — что систематическая кастрация или же повальные убийства были бы наилучшими средствами в глазах наших противников, которые не остановились бы перед тем, чтобы раскопать соответствующие библейские тексты, восходящие ко временам завоевания земли Ханаанской. Но вся беда в том, что мы слишком многочисленны, и это вызвало бы чересчур большой скандал во всем мире.

Выход? Во всяком случае, не европейцам искать его. Быть может, это оскорбительно для американского самолюбия, что им приходится искать у нас этот самый выход. Им не мешает обратить внимание на то, что на Кубе или в Гаване негры и мулаты пользуются теми же самыми правами и находятся под защитой тех же самых законов, что и белые. В конце концов, можно возразить, что каждая страна имеет

тех негров, которых она заслуживает, и если Америка жалуется на своих, то максимальная доля вины падает только на нее.

Людям, не бывавшим в Америке, трудно понять, до чего ужасен, оскорбителен и несправедлив режим, применяющийся там по отношению к цветным людям. Очень часто негр, приезжающий в Европу, удивляется тому, что с ним обращаются, как со всеми остальными гражданами. Это отношение кажется ему сверхъестественным. Он не встречает у нас ни презрения, ни отвращения. Напротив; ему часто выражают самую искреннюю симпатию.

Умирала как-то старая негрятинка, которая всю свою жизнь посвятила уходу за богатым собственником на Юге. На морщинистом лице ее читалась явная тоска, которую не могли согнать все добрые увещания старого баптистского пастора цвета черного дерева. Когда хозяйка дома обратилась к умирающей с вопросом о причине ее подавленного настроения, негрятинка ответила:

— Я боюсь умереть! Я заранее знаю, что буду осуждена и попаду ад.

— Это вы-то, моя добрая Мамми, попадете в ад? Но ведь вы всю свою жизнь работали, не покладая рук! Я уверена, что никаких тяжких грехов нет на вашей душе!

— Есть один тяжкий, страшный грех!
— Но какой?
— Я ненавижу господа-бога! Я презираю его за то, что он дал мне черную кожу.

Негры в Америке рождаются с позорным пятном и с ним же они умирают. Американцы кичатся тем, что они во многих отношениях могут поучать Европу. Теперь нередко приходится слышать, как современные молодые женщины учат ум-разуму старых женщин, живших в иные времена и при других условиях. Пусть Америка говорит, что хочет, но если мы приглядимся повнимательнее к декоративной проповеднице новых истин, то, несмотря на все белла, мы видим на ее груди широкое пятно весьма темного и весьма подозрительного цвета. Ошибка судьбы, которая, в общем, была так милостива и даже расточительна по отношению к Новому Свету? Незаслуженный природный недостаток? Очень может быть! Но, так или иначе, недостаток несомненный. И, пожалуй, далеко не единственный на теле этой мощной и великой страны. Но имеются недостатки, которые поддаются лечению, хотя бы даже насильственным путем, если пациент слишком упрямится...

Перевод Зин. Львовского.

ПАРТИЯ В ТЕННИС

Рассказ Ивана Новикова.

Наши глаза видят и отмечают не всё, и в разные дни мы видим по-разному. Но еще большая разница в видении у разных людей, и в особенности — когда один из них глядит сверху, а другой снизу.

У Киры Филипповны глаза были желто-коричневые, ореховые; по ним иногда пробегал золотистый огонь — загляденье! Шея и плечи у ней также были облиты загаром: теплым, живым; но и этот ровный загар, казалось, дышал — то сгущался и становился глубоким и матовым, то разгорался и розовел. Это же самое можно, пожалуй, сказать и про то, как она одевалась: и платье на ней казалось живым и изменчивым, как и сама Кира Филипповна. В походе она была легка, в посадке ладна и стройна, во взгляде... не утайте: во взгляде — горда. Это, однако, отнюдь не была туная и глупая гордость самодовольства; это скорее — задор: прошлой весной ей минуло двадцать один. Профсоюзный билет — Рабис.

Андрюша Платонов — печатник; синяя майка с красною отгорочкой, трусы; головного убора не признает; черноволос и курчав; и самый загар его — яркий багрец — также почти что курчав, беспокоен, взвихрен: какие-то кратеры с тугой спиралью огня. А глаза у Андрюши — голубизна, сгущенная до морской синевы; и опять же так, и они — загляденье.

Август. Леса уже кое-где загорелись: береза и клен; осина роняет на мох оранжево-красный дырчатый платок; мох изумруден и свеж; в мягких его кудрявых расщелинах блестят бисеринки росы; в них отражается небо: голубизна, сгущенная до синевы.

Киры Филипповна вернулась из Сочи. В уплах еще шорох волны, шуршанье прибрежных камней, огни и „Ривьера“, дышанье экзотики. Но и в Москве, в ателье, тоже экзотика — „юпитера“ и картина, где она занята: Толстовское „После бала“. Конечно, она занята не „после“, а на самом балу: кружева и бриллианты, огни, медленный вальс, скрытая страсть. Это — экзотика, и это — иллюзия, ибо действительность — вовсе другая: гонорар и попреки (ругатели), насморк у оператора и собственная ее вовсе не „бальная“ жизнь и работа. Но от экзотики и от иллюзии все-таки что-то живо в душе, выпрямляется шея, и взгляд — чуть-чуть свысока. Осенний древесный убор похож на цветы: он опадает, но в нем и благородство, и красота.

Своя красота и свое благородство — во взмахах блестящих ремней, в скольжении стали, столь же изысканно отполированной, как ногти самой изысканной ремингтонистки, в запахе масла и типографской, чуточку приторной краски. Андрюша Платонов любил свою „Первую Образцовую“ — Пятницкая, 71. Если у Киры Филипповны „юпитера“, „пятисотки“ и „шестисотки“, то у Андрюши — машина, которая печатает сразу двенадцать печатных листов, целую очередную книгу того же Толстого. К августу месяцу еще не добралась до той повести, над которой работала Кира, но еще кто кого переспорит: двенадцатый том в декбре, а картина — едва ли!

Почему идет речь о двух сразу? Что у них общего? Кто смотрит сверху и кто из них глядит снизу?

Рассказчик нынче не хочет скрывать своих карт. Напротив — он держит их совершенно открытыми, и даже не карты, а и в самом повествовании уже перекидывает мяч: еще до того, как произошла настоящая встреча на теннисном поле. Общее есть у героя и героини (молодость, самоуверенность, легкий задор), но есть и различие, различие очень большое. И, однако же, это вопрос, что связывает людей крепче и длительней: „бок-о-бок“ или „напротив“? А сверху и снизу — это поочередно, как и во всякой игре,

Август и воскресенье. Утром текут людские потоки в поля и леса; к вечеру — в архипелаг из камней — в город, в Москву. Кира Филипповна и Андрюша Платонов не знали друг друга и встретились совершенно случайно — в ста, ста пятидесяти метрах от станции. Встреча произошла у орехового куста, на пестрой опушке, густо заросшей кустарником. Уже пора было и домой, поезд просвистал на ближнем подстанке, но — обратные билеты в кармане, а орешник попался отличный, чудом уцелевший от густой человеческой саранчи. Впрочем, не чудом: старая ветка пряталась с юга в дубовой листве, а колыхнешь — великолепные, плотные гранки. Кира искала внизу: орехи спелы, и у корней — она, под листовой уже, раскопала штук десять; они лежали там желтенькие, чистые и блестящие, похожие на упавшие из гнезда маленькие яички какой-нибудь неосторожной пичуги; да и в самом деле таилась в них скрытая жизнь. Андрюша глядел с стороны; ему это все очень нравилось. Слышал и он свисток паровоза, но — что за беда! Лукавое озорство подмывало его влезть и закидать оттуда, с самого верха, пригоршнями гранок. Ни слова не говоря, не подумав, он кинулся на орешник и... оборвался.

Киры не испугалась. Обернувшись, Андрюша увидел смеющийся ее золотисто-ореховые глаза: в них была легкая насмешка. Он закусил губу и быстро сообразил; обидно терпеть поражение! Кира сделала легкое движение, собиравшее итти, но, опять-таки молча, взглядом, он запретил ей двигаться с места. Голубые глаза его умели густеть и становиться приказывающими; а впрочем, в них почему-то Киры было приятно глядеть. Кира замедлила.

Андрюша не медлил. Так же сразу, но цепко, не падая ни груди, ни ног, он, как ящерица, стал подниматься по соседнему дубу. Это также было занятное зрелище, хотя... хотя и нельзя уже было глядеть на него свысока. Напротив того: так поглядеть мог бы теперь же он.

Все шло очень быстро: Андрюша добрался и, одною рукою крепко держась, срывал другою тяжелые холодноватые гранки. Он кидал их книзу не глядя. Киры теперь он не видал. Оно перестала смеяться, но ему еще виделась эта улыбка ее, и отовсюду в листве мигали навстречу — желтые, золотистые, ореховые глаза.

Киры орехов не поднимала из гордости. Но одна гранка летела мимо самого носа, и она налету цепко схватила ее, как пролетающий мяч: условный рефлекс. И такой же условный рефлекс, но уже не спортивный, а теплый, живой, идущий из глубины деревенского раннего детства: в левой руке крепко зажала у основания гранку и, подложив крепкие пальцы правой руки, орех за орехом стала вылушивать в горсть, надавливая голую скорлупу упругой подушечкой большого пальца. Цогот ее, гладко очищенный, сам напоминавший орешек, как бы манил из гнезда другие орехи — к себе, и они послушно вылушивались с характерным шелковым скрипом. В ладони их оказалось целых шесть штук.

— Слезайте! Уже за поворотом свистит! — крикнула Кира и побежала; побежала одна. Это было, пожалуй, предательством, это было, во всяком случае, не по-товарищески. Но кто же сказал, что они были товарищами?

Андрюша Платонов пропущал по стволу с резвостью белки. Мох и листва; упадает, кружась, голый и хрупкий дубовый сукоц. Девушки не было. Он не обиделся сразу; не сразу он понял. Поезд бежит, а как же иначе? Его предупредила... И орехи не все подобрала... поспешила... Ну, догоню!

Быстро он сгреб и закинул за грудь шершавые гранки. Поезд был слышен. За опушкой дужок, и когда на дужок выскочил он, Кира бежала уже далеко; бежала отлично, не останавливаясь и не обертываясь. Над елками рвался и плыл сероватый дымок. Старт был неправильный, а то он поспорил бы: кто кого? С Кирой сражаться немислимо, но спор теперь — с поездом.

Андрюшу рвануло, когда, добежав, он на ходу вскочил в уже быстрый вагон. Цепочка на животе затряслась от негодования у осанистого, с брешком, пассажира. Ему было полных и плотных, выхоленных — за пятьдесят; подбородок висел — как у коровы туго отжатого вымя.

И вот — его потревожили, он взволновался. Членораздельно, но не совсем вразумительно:

— Выдвиненцы! Скажите, пожалуйста! Какая же к чорту тут плановость... Срывают работу... как говорится, жулье... Отдых срывают!... — Чего потерял?

Андрюша умел отвечать, но он только осклабялся и ограничился тем, что сильно задел локтем по животу, напомиравшему глобус на телеграфу; он очертил круг по акватору, и притом уже с явным нажимом, и гражданин сразу смирился. „Не убежала... Не убежала...“ „Чего потерял!“ — и он весело блеснул полукругом зубов.

Но отыскать сразу Киру было не так-то легко. Вагоны напоминали собою трамвай. А трудность пробраться в трамвае ни с чем несравнима, даже с тропической чащей; если уж сравнивать, то скорее, пожалуй, наоборот. Один путешественник мне третьего дня говорил, что, залуптавшись в лианах, он именно вспомнил Москву: „Почти как в трамвае!“ Путешественник выбрался цел; подобный же подвиг, пересекши несколько вагонов, проделал и Андрюша.

Он увидел свою ореховую девушку, стоящую возле окна в обществе незнакомых ему молодых людей, очень прилично одетых, изящных; что-то глухо, невнятно в нем заворчал. Но тотчас же он вспомнил, узнал. Он вспомнил, что видел ее на экране в недавней картине. Там так же стояла она и медленно поводила глазами; недостижимое, милое существо это было теперь в двух шагах от него. Киры была очень горда, неприступна. „Так им и надо... Так им и надо! Это — да!“ — подумал Андрюша с энергией; он любовался. И он был исполнен отваги, победы, дерзания. На дерево влез; поезд догнал; артистка, художница; с артисткой знаком! Даже больше, чем просто знаком; в душе — с нею он уже подружился. В руке его крепко зажата полная горсть коричнево-желтых спелых орехов; он, улыбаясь, протягивает через толпу обнаженную горячую руку и... его обдает холодный презрительный дух.

Нельзя было более высокомерно окинуть его с головы до ног, чем это сделала артистка кино — Киры Филипповна. Именно с головы до ног; ног не видать; видна только всклокоченная его голова и потная шея, но взгляд этот был отлично изучен и многократно на сьемках использован. Андрюша последовательно: оцепенел, не поверил глазам, двинулся быстрым рывком вперед и тотчас же назад, и вдруг загорелся стыдом и острою ненавистью. Несдержанно он шваркнул на пол орехи и повернулся, расталкивая перед собою без церемонии груди и плечи. Никто ничего не понимал. Киры Филипповна тотчас же заговорила со своими молодыми людьми о чем-то другом.

Но лицо у Киры Филипповны покрылось алым румянцем. Дерзким ударом отбила она только что мяч. Но в ней и в самой противоречиво летали мячи: гордость и удовлетворение; и досада; и никакого удовлетворения; и немножко стыда, чуточку

МОИ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ

Сама жизнь дала мне в руки богатейший материал: пиши только!

Детство—с восьми лет на охоте в дремучих Вологодских лесах. Рассказы бабушки-казачки и деда, сына запорожца, бежавшего на Кубань после разгрома Екатериной Сечи. Там он обосновался, и там родился мой дед, участник кавказских походов. Бабука и дед рассказывали о привольной и боевой казацкой жизни, а их дочь, моя мать, пела, прекрасно пела песни чудные, и читала по вечерам Пушкина, Лермонтова, а отец—запрещенные стихи Рыльева. Я, пятилетний, со слуха знал наизусть кусочки из произведений Войнаровского. Мне очень нравилась его звучная поэма.

Кроме них, беглый матрос-кругосветник, друг отца, воспитывал во мне удалого охотника. Я поступил в Вологодскую гимназию в 1865 году одиннадцатилетним дикарем и в первом же классе остался на второй год.

В гимназии я писал стихи и читался поэтом.

— Эй ты, стихоковыряло! — сказал мне в классе обиженный какой-то моей стихотворной шуткой учитель рисования и черчения Тарасов, где я его назвал—Тарас Чертило.

Но кроме „пакостей на наставников“, я писал и лирику, и переводил стихи с французского, что очень одобрил учитель русского языка Прохницкий.

Прошло немало лет, когда я, вернувшись из бродяжничества к отцу на побывку, получил от него книжку Прохницкого, сборник ученических произведений, где было напечатано мое стихотворение „Листок“, перевод с французского и подпись: „Ученик 3-го класса Вл. Гиляровский“.

Книжка напечатана в губернской типографии в 1873 году.

Это еще больше зажгло во мне охоту писать, хотя я до этого времени посылал

Вл. Ал. Гиляровский в 1928 г. Фот. С. Фридлянда.

отцу большие письма, где описывал бродяжничью жизнь, посылал стихи, писанные на серой бумаге по притонам, а раз даже послал целый рассказ из жизни рабочих на белильном заводе.

Впоследствии, будучи уже литератором, я воспользовался этим материалом для очерков и рассказов.

Бродяжничья жизнь, полная самых отчаянных приключений, и война турецкая—выработали все необходимые качества для репортера. Я не знал усталости, а слова „страх“ и „опасность“ несуществовали в моем лексиконе, и я то и дело командировался газетами на рискованные расследования.

Репортерство приучило меня давать только правду, сразу угадывать всю суть и писать кратко. То, что пишется на листе, нужно было укладывать в полсотне строк, а оставшийся картинный и психологический живой материал служил мне для моих балетристических произведений и для поэзии.

Читая их, мои друзья-писатели то и дело говорили мне:

— Да бросьте вы совсем ваше репортерство, переходите на балетристику... Вы столько видели... столько знаете... — И т. д.

А один старый кавказец, мой поклонник, слушая их, сказал мне:

— Тебе надо руки-ноги поломать, тогда будешь на месте сидеть и писать будешь!

И он сказал правду! Когда под старость жизнь „поломала руки-ноги“ и прикрепила меня к месту, я сижу и пишу и благодарю свою прошлую жизнь бродяжничью, давшую мне столько материала, и благодарю репортерство, выучившее меня укладывать в 50 строках то, что обыкновенно пишется на тысячах строк.

Вл. Гиляровский.

жалко; и жалко—вовсе не чуточку; и если прикрыть на минуточку глаза-орехи—орехи, и золотая листва, и на зеленом бархатном мху бисеринки росы; и в них отражается небо: голубизна, сгущенная до синевы; и это глаза, и в них бы глядеть и глядеть; и глаз этих—нет.

„Девчонка... насмешница... аристократка! Я бы тебе показал! Я бы тебе показал!“—Андрюше не спится. Доехал, не сел в трамвай, и дошагал в Замоскворечье пешком. Замоскворечье в тихих своих переулках чем-то похоже на Украину. Вылез не небо месяц, черные тени легли на пустынную улицу. Сколько раз он светил и не тревожил, а нынче тревожит. Андрюша никак не жалеет ни гнева и ни запальчивых слов, но стоит закрыть на минуточку глаза, и перед глазами: орехи, орехи, листва, и отовсюду в листве—золотые смеющиеся глаза.

Такова была первая встреча Киры Филипповны и Андрюши Платонова. Среди ежедневных тысяч лиц—на улицах—ни разу судьба их не столкнула. Но не забыл Андрюша ее, и она не забыла Андрюшу. Может быть, это все же и произошло бы,—люди ведь вообще мастера забывать, но через четырнадцать дней он опять увидел ее, и она его увидела—на теннисном состязании в саду Красной армии.

Деревья в Москве держатся крепче, но и тут над прудом кроны посыпаны золотом. Чуть зеленеет (верно, от влаги) невысокое небо, сетки похожи на осеннюю паутину; летают мячи; на высоких лесенках, за примитивным попотром—судьи похожи на птиц; сухо, горланно покрикивают они из своих деревянных скворешников: цифры и термины—счет.

Время идет; на небо лезут ровные тучи; меж тучами льется в расщелины низкое солнце. Одна одолела весь сад; над садом она—как огромная шапка: воронье гнездо. Дойдет ли черед, не хлынул бы дождь? Но вот и „наш сэт“: команда, где Кира, и команда Андрюши: наконец-то они одина-

ковы: каждый—солдат на теннисном поле. Андрюша узнал, кивнул головой, Кира ответила. Каждый обрадовался, но каждый и скрыл свою радость; у обоих азарт: одолеть!

— „Плю!“ — „Реди!“ — „Аут сайт!“ — „Адвентач!“ — „Джю!“—эти сухие слова подобны мячам; они также летают от печатников к рабису, и от рабиса к печатникам. Из женщин на поле—Кира одна, но ударяет она по-мужски, и по-мужски подает; ракета описывает над головою уверенный вит и рушится книзу: мяч—по затылку! Он сильно и косо летит над самою сеткой и отразить его—не легко. Кира откинула ногу, левый носок отвесно, как гвоздь, вонзается в землю; солнечный луч (последний, закатный) обливает ее молодое колено; румянец сбегает и набегаёт как пульс; глаза... глаза ягуара: они неподвижны, но в них—сжатый горбатый прыжок.

Андрюша—как ртуть, как рассыпанный шрифт; в ударах слабей, но в отражении ударов—артист. Можно подумать, что еще до удара, уже по движенью руки, посылающей мяч, он знает его грядущий полет, и, подбирая рассыпанный шрифт, он устремляется легким уверенным бегом—ближе и дальше—угадывая; подставит ракету у самой земли и отсылает летающий атом—монаду игры—в обратный полет. Он не скульптура, как застывает Кира Филипповна; ноги его обретают свое равновесие в непрестанном движении: одна подшибает другую, но именно в этом—устойчивость бега, и в этом—готовность в любую секунду осуществить головокружительный вольт.

Счет до шести. У печатников—пять, рабис—четыре. Решающий гейм. „Шесть и четыре“—победа одних, и для других—поражение. Дождик покрал-покрал,—не слышались! Дождь пошумел—никакого внимания. Дождь припустил. Бесстрастный судья схватил воротник—несуществующий: голая шея! Подача у Киры. Она подбрасывает мячи. „Последний!“ — каркает с вышки судья.

Кира становится в угол и тренируется делает полудвижение; ноздри ее раздуваются, как у коня. Андрюша смеется и направляет руку в плечо; он откровенно любит Киру.

В этом последнем мяче кроется формула: „на равных правах—не победить, но и не уступить!“ Формуле этой нельзя отказать в благородстве.

Кира Филипповна! Страсть и напряжение ваши надо умерить; найдите прохладу и четкость осеннего вечера. Вам не дано победить, но попробуйте с бранного поля уйти непобежденной!

Но Киру Филипповну вовсе не надо учить: „Пятнадцать и ноль!“—„Тридцать и ноль!“—„Сорок и ноль—в пользу рабиса!“

Перед последним ударом—в шуме дождя—длительный, жалобный звук. Все оглядели ракетки: у Киры! От сырости лопнула в ракетке струна. Но ничего: будет бит! Уверенный вит над головою, и боковая ракетка рушится книзу. Левый носок тонет отвесно в мокром песке; глаза ягуара; мячик весь мокрый, но гейм—Кира забила—сухой! Счет у обеих команд одинаков: сэт прервался на ничей.

Кира пылала, на скорую руку она накинула плащ; Андрюша закутал мокрую шею вязаным шарфом.

Когда уже все расходились, они обменялись спортивным коротким рукопожатием. Ни один из них ничего не сказал—ни об орехах и ни о поезде, ни даже об этой партии в теннис, но у обоих вражда и любовь—клокотали, ища равновесия в этом своем непрерывном соревновании. И где-то еще, совсем на глубине, в чем не признаться—каждому было немножко смешно: над собою самим. И, однако же, завтра опять будет встреча!

Но игра началась не сегодня; кончится также не завтра. Сегодня игра оказалась в ничью. Вывод отсюда... вывод единственный: надо игру продолжать и продолжать!

Иван Новиков.

П А Р О В О З Ч Е Р Е З П У С Т Ы Н Ю

Очерк Василия Дробота.

Общее собрание рабочих и служащих 3-го участка Турксиба в Дала-Кайнаре.

Поезд остановился у Верхнего Машата, когда мои спутники—двое военных и налоговый инспектор—заявили, что дальше они отправляются пешком.

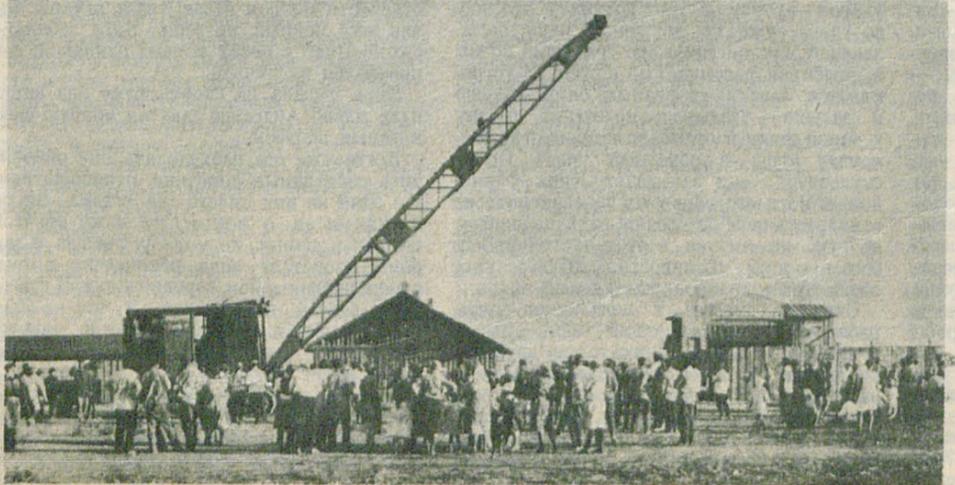
— Вы присмотрите за нашими вещами?— обратились они ко мне, и, уловив мой удивленный взгляд, добавили:— Местные все так делают. В следующий раз и я, очевидно, поступлю точно так же, но сейчас мне хочется спуститься к Нижнему Машату в вагоне.

Вообразите себе гору, по которой длинной и узкой зигзагообразной лентой вьется головокруглая дорожка; по одну сторону она примыкает к высокой стене срезанной скалы, а по другую—местами виснет над пропастью, высотой в хороший американский небоскреб; поезд движется со скоростью, могущей вызвать искреннее презрение даже у престарелой черепахи.

У Нижнего Машата поезд расцепляется, и так же медленно, как он только что спускался состав, паровоз с половиной вагонов взбирается к Сергиевской, откуда начинается более „легкая“ дорога.

Рыково — штаб первого участка Турксиба и хозяйственный центр всего южного строительства. Именно отсюда ежедневно с Семиреченской ветки перебрасываются по новым рельсам Турксиба около сотни вагонов с различными строительными материалами для второго и третьего участков.

По местному в семь, а по московскому времени — в четыре утра станция Рыково начинает свой деловой день, фактически пре-

Установка на ст. Рыково радио-мачты при помощи американского крана.

рывающийся только к восьми часам вечера. Все четко, размеренно и точно.

Деловая жизнь участка длится почти тринадцать часов, при чем это происходит потому, что внеслужбное время нечем заполнить, и люди часто работают сверх обычной нормы в подлинном смысле слова, от нечего делать. Прошел целый строительный сезон, но никто—ни управление строительства, ни Линейный отдел—не озаботились необходимостью налажения хотя бы самой элементарной культурно-просветительной работы. Правда, в Рыкове есть театр, красный уголок, кружок Осовиахима, почта и мачты для радио, но все эти культурные центры настолько примечательны, что о них нужно сказать подробнее.

Красный уголок, в котором размещены библиотека-читальня, киоск Госиздата, стол почты и кружок Осовиахима, представляет собою наскоро сколоченную деревянную постройку, без потолка и с такими щелями в крыше, что верблюд совершенно свободно мог бы просунуть в них голову, явись у него охота понаблюдать культурно-просветительную жизнь Рыкова сверху. Во время редкого здесь дождя весь несложный инвентарь „уголка“ в воде. Солидное место занимают книжонки касательно ухода за коровами, невзирая даже на то, что по линии Турксиба живую корову так же трудно встретить, как в Москве разгуливающего по улицам ишака.

В кружке Осовиахима меня встречает добродушный мужичок—ответственный секретарь кружка. Мы ведем с ним разговор стоя, так как, повидому, из уважения

к приезжему из центра, он категорически отказывается сесть.

— Много у вас членов кружка?

— Нет, совсем не имеем,—ответил он таким тоном, будто хотел сказать: нельзя же задавать такие нелепые вопросы.

Есть мачты для радио, но нет приемника. В Рыково поступают местные и центральные газеты, но, прежде чем попасть в красный уголок, они совершают длительный путь от ст. Луговая в поселок Луговая, отлеживаются здесь, в конторе начальника первого участка, а затем, когда кипы газет начинают мешать работе, их частично употребляют на собственные нужды¹, а частью перебрасывают вновь через ст. Луговая в красный уголок ст. Рыково.

Вечером, когда в канцеляриях Рыкова наглухо запираются двери, из-за линии Семиреченской ветки слышны песни или повисающая в густом южном воздухе тяжелая русская матерная ругань. Здесь приземлились в маленьких подслеповатых мазанках или берданных постройках узбекские чай-хане и русские харчевни. На этой небольшой улочке своя „жизнь“. Чай-хане и харчевни манят к себе таинственными перегородками, за которыми рабочие и служащие первого участка—бесособого труда оставляют большую часть своего местного бюджета.

Длинной прямой полоской легли новые рельсы временки первого участка. Я быстро рысью еду верхом в непосредственной близо-

Баня для рабочих на Турксибе.

сти от дороги, а рядом со мной маленький маневровый паровозик тянет шестьдесят полнотонных вагонов Турксиба, как в годы гражданской войны облепленных, если можно так выразиться, пионерами пассажирского движения — строительными рабочими и казаками.

На шестом километре от Рыково—овраг Джеланды с маленькой речкой, а через него временный мост, построенный полностью на шпалах.

За Джеландой проселок круто сворачивает влево, и, таким образом, на некоторое время мне с поездом не по пути.

Впереди меня, приблизительно за версту, маячат верховые. Моя лошадь переходит в галоп, и вскоре я нагоняю двух казаков—старика и молодого. Разговор, который мы ведем, если можно назвать разговором мое незнание казакского наречия и их полное незнание с моим родным языком, приводит меня в веселое настроение.

Старик некоторое время смотрит на меня часто мигающими глазами, и затем членораздельно говорит:

— Семашко Москва бар 1.

— Бар,— отвечаю я, немало изумленный тем, что старика заинтересовал именно Семашко.

— Яксы 2.

Он обращается ко мне вторично, при чем из всех его слов я понимаю только два: Се-

машко и бар. Старик тычет пальцем в мою сторону и неоднократно повторяет те же слова. Предполагаю, что он принимает меня за П. А. Семашко, я, отрицательно покачивая головой, на „русско-казакском“ языке говорю:

— Моя Семашко ёки 3.

Вслед за этим произошло неожиданное: старик запустил руку в карман, вынул оттуда жмень семечек и, передавая их мне, радостно произнес:

— Моя Семашко бар.

Я засмеялся; засмеялся и старик, не понимая причины моего смеха, но довольный, что доставил мне приятное.

Мы расстаемся друзьями, и я вновь сворачиваю в сторону временки, где на 16-м километре ведутся экскаваторные работы по устройству постоянного земляного полотна.

Меня интересует, прежде всего, насколько оправдал себя опыт механизации земляных работ. Вместе с начальником „городка“ инж. Бломериусом мы склоняемся над столом, изучая кривую работы экскаваторов. По данным Бломериуса, обработка кубометра грунта при помощи „мариона“ № 37 обходится в 36 коп., против 78 коп. работы вручную — без учета, к тому же, затрат на соцстрах и накладные расходы. В отдельные дни производительность „мариона“ достигала семисот кубометров,—цифры, требующей при работе вручную несколько сот человек.

С шумом и визгом ворочает свой хобот новенький американский „марион“, непрерывно выпуская белую струйку отработанного пара. Внутри кабинки машины виден механик,

находились в теплушках, наскоро приспособленных для работы и под жилье.

Неподалеку от новенького Чуйского депо восьмерка грузчиков толкает в свежевырытый котлован огромные цистерны для бензина и масла:

Она ходко пойдет, да о-о-х! Еще маленький разок, да о-х! Покатили его праа, Вот теперь будет как раз... вая-а-а-ли...

И восьмерка дружным напором подводит к краю котлована громоздкий цилиндрический сосуд, в котором может уместиться свыше двух десятков тонн горючего.

12 км., отделяющих конец укладки от Дала-Кайнара, легкой „дожд“ покрывает приблизительно в 15 минут. Мы мчимся по прекрасно наезженной дороге, которую проложили шоферы третьего участка своими машинами, без всякого участия рабочих рук.

Впереди—высокая гора, мы держим путь именно к ней, и у меня такое ощущение, что вот-вот автомобиль на полном ходу врежется в эту гору. Вдруг машина будто подпрыгивает, и перед моими глазами, как во сне, открывается великолепная панорама нового строительного городка, которому не больше шести—семи месяцев от роду. А у самой горы, по ту сторону реки Дала-Кайнар, давней название рабочему городку, казакская зимовка, как говорят, навсегда брошенная ее постоянными обитателями.

В Дала-Кайнаре. Впервые Чокпар познакомился с американскими „марионами“ в начале лета, когда „экскаваторщикам“ была поставлена почти неразрешимая задача—сделать 600 тыс. кубометров трудного горного грунта в течение одного строительного сезона.

Через определенные промежутки времени в разных местах горы появляются красные флаги, как предвестники близкого взрыва, а через несколько минут воздух оглашается громовидным раскатом, и высоко в небо взлетает мощный фейерверк из земли и многопудового камня.

Ниже по склону и на самой верхушке Чокпара, где гора образует протянувшийся на десятки километров широкий плато, работает

а, впереди, у начала хобота, полуобнаженный, до-черна загорелая мускулистая фигура машиниста.

Мне впервые приходится видеть, как человек, подчинил себе огромную машину, умеет сделать ее послушной игрушкой в своих руках. В работе „мариона“ участвует весь машинист: держа рычаги хобота в своих руках и нажимая одновременно обеими ногами две педали, он неустанно перебегает глазами от резерва к ковшу, и от ковша ко вновь образующейся горке земляного полотна. И так до того времени, пока „марион“ не захочет утолить свою жажду бензином или холодной водой.

Я стою, как зачарованный, и не замечаю, что совершенно неожиданно ковш будто отрывается от хобота в мою сторону и, почти коснувшись меня, вновь возвращается обратно, чтобы зачерпнуть огромную глыбу земли и с грохотом выбросить ее вправо. На лице машиниста появляется едва заметная улыбка, и я начинаю понимать, что он сознательно бросил ковш в мою сторону, чтобы показать, как человек может овладеть хрипящим и лязгающим стальным чудовищем—„марионом“.

Товарный поезд, развозящий строительные материалы по первым трем участкам, перестроен на ст. Чу, где уже построено оборотное депо.

Станция Чу только возводится; до последнего же времени все служебные учреждения, за исключением конторы начальника участка,

находились в теплушках, наскоро приспособленных для работы и под жилье.

Неподалеку от новенького Чуйского депо восьмерка грузчиков толкает в свежевырытый котлован огромные цистерны для бензина и масла:

Она ходко пойдет, да о-о-х! Еще маленький разок, да о-х! Покатили его праа, Вот теперь будет как раз... вая-а-а-ли...

И восьмерка дружным напором подводит к краю котлована громоздкий цилиндрический сосуд, в котором может уместиться свыше двух десятков тонн горючего.

12 км., отделяющих конец укладки от Дала-Кайнара, легкой „дожд“ покрывает приблизительно в 15 минут. Мы мчимся по прекрасно наезженной дороге, которую проложили шоферы третьего участка своими машинами, без всякого участия рабочих рук.

Впереди—высокая гора, мы держим путь именно к ней, и у меня такое ощущение, что вот-вот автомобиль на полном ходу врежется в эту гору. Вдруг машина будто подпрыгивает, и перед моими глазами, как во сне, открывается великолепная панорама нового строительного городка, которому не больше шести—семи месяцев от роду. А у самой горы, по ту сторону реки Дала-Кайнар, давней название рабочему городку, казакская зимовка, как говорят, навсегда брошенная ее постоянными обитателями.

В Дала-Кайнаре. Впервые Чокпар познакомился с американскими „марионами“ в начале лета, когда „экскаваторщикам“ была поставлена почти неразрешимая задача—сделать 600 тыс. кубометров трудного горного грунта в течение одного строительного сезона.

Через определенные промежутки времени в разных местах горы появляются красные флаги, как предвестники близкого взрыва, а через несколько минут воздух оглашается громовидным раскатом, и высоко в небо взлетает мощный фейерверк из земли и многопудового камня.

Ниже по склону и на самой верхушке Чокпара, где гора образует протянувшийся на десятки километров широкий плато, работает

Питание „мариона“ водой.

Черкасская кооперативная артель грабарей „Грабарь“. Если работа машины отличается абсолютной точностью, грабарей следует сравнить с такой хорошей машиной. Еще дальше, на мягком грунте делают земляное полотно казаки. И так день за днем, недели за неделей Чокпар сдает свои кажущиеся неприступными позиции одну за другой. К концу ноября Чокпар будет завоеван полностью, и свежее земляное полотно ляжет на всем протяжении стокилометрового третьего участка Турксиба.

В Дала-Кайнаре — как на фронте во время войны: армия рабочих и инженерно-технического персонала живет, по существу, одной идеей—подчинить своему влиянию Чокпар и к концу года целиком выполнить весь календарный план работ. Людям некогда и нечем жить для себя, тем более, что, за самыми редкими исключениями, никто не имеет своего угла. Рабочие просто спят на низких тончанах, в берданных или фанерных постройках, скупо предохраняющих от ветра и холода. В наилучших условиях и инженерно-технический персонал. И все-таки я не встретил ни одного недовольного среди этих охваченных строительной горячкой людей.

Ночью из окна моей изрешетенной ветром фанерной кабинки я при свете луны долго смотрю на брошенную казаками зимовку по ту сторону Дала-Кайнара. Где-то неподалеку, может быть рядом, у самой зимовки, отрагательно протяжно плачут шакалы. Возможно, их беспокоит и раздражает свет карбидовых фонарей в рабочем городке.

В Дала-Кайнаре. Впервые Чокпар познакомился с американскими „марионами“ в начале лета, когда „экскаваторщикам“ была поставлена почти неразрешимая задача—сделать 600 тыс. кубометров трудного горного грунта в течение одного строительного сезона.

Через определенные промежутки времени в разных местах горы появляются красные флаги, как предвестники близкого взрыва, а через несколько минут воздух оглашается громовидным раскатом, и высоко в небо взлетает мощный фейерверк из земли и многопудового камня.

Ниже по склону и на самой верхушке Чокпара, где гора образует протянувшийся на десятки километров широкий плато, работает

а, впереди, у начала хобота, полуобнаженный, до-черна загорелая мускулистая фигура машиниста.

Мне впервые приходится видеть, как человек, подчинил себе огромную машину, умеет сделать ее послушной игрушкой в своих руках. В работе „мариона“ участвует весь машинист: держа рычаги хобота в своих руках и нажимая одновременно обеими ногами две педали, он неустанно перебегает глазами от резерва к ковшу, и от ковша ко вновь образующейся горке земляного полотна. И так до того времени, пока „марион“ не захочет утолить свою жажду бензином или холодной водой.

Я стою, как зачарованный, и не замечаю, что совершенно неожиданно ковш будто отрывается от хобота в мою сторону и, почти коснувшись меня, вновь возвращается обратно, чтобы зачерпнуть огромную глыбу земли и с грохотом выбросить ее вправо. На лице машиниста появляется едва заметная улыбка, и я начинаю понимать, что он сознательно бросил ковш в мою сторону, чтобы показать, как человек может овладеть хрипящим и лязгающим стальным чудовищем—„марионом“.

Товарный поезд, развозящий строительные материалы по первым трем участкам, перестроен на ст. Чу, где уже построено оборотное депо.

Станция Чу только возводится; до последнего же времени все служебные учреждения, за исключением конторы начальника участка,

Грабарь на работе.

¹ Есть, имеется.
² Хорошо.

³ Нет.

ОБЕЗЬЯНИЙ ДОМ

Очерк *Мариетты Шагини*. Снимки *С. Красинского*.

У входа в Сухумский ботанический сад в будочке сидит человек словоохотливый, человек обходительный,—он вам и билетки режет, и за проводника, и как справочное бюро. Но этот приятный сангвиник тотчас меняется, стоит только задать ему роковой вопрос:

— Скажите, где тут у вас обезьяны?

Хмуро ответит он, что его дело цветы и деревья, что обезьяны к цветам и деревьям касательства не имеют, и что как будто даже и стыдно в ботаническом саду доискиваться до обезьян...

Мгновенная нелюбовность объяснима легко: множество туристов и даже коренных сухумцев, прослышав, иной раз неясно и смутно, о существовании в Сухуме какого-то „обезьяньего детдома“, неизменно притекают в ботанический сад, соображая, что там, где пальмы, вероятно и „обезьян развели“—и сильно досаждают этим на деревьях и на цветах воспитавшему свой кругозор человеку. С точки зрения сторожа, обезьяна только пачкун, вредитель. Вопросы сердят его. Внимание сердит его. Особенно сердит его незаслуженное предпочтение, отдаваемое перед самым входом в красивейший растительный мир—безобразнейшему животному миру. Но если б он знал, каким могучим и совершенно революционным ко н к у р е н т о м стала сейчас обезьяна тем чудесным и деликатным деревьям, которые носят двойные чины и названия—латинские и русские, возбуждающие смутные, пахучие представления о лекарствах,—лавровишне, эвкалипте,—он бы окончательно разгневался. Дело в том, что на смену огромной эпохе в медицине, точнее—в фармакологии, когда спасителем и целителем больного человека было растение, пришла другая эпоха и принесла с собой другое лечение, лечение при помощи животного мира,—органотерапию. В Европе эта смена двух огромных (и по значению, и по принципиальному различию) фармакологических эпох уже давно стала чувствоваться каждым обывателем. У нас же она пока не чувствуется. Впрочем, виновата: тем десятком тысяч больных, которые за это лето прошли через санатории, она должна уже очень осязательно чувствоваться. Санаторники, должно быть, обратили уже внимание, что в этом году, по сравнению с прошлым годом, сестре милосердия вытало куда больше „впрыскивательной“ работы. Бывало, в прошлом сезоне она орудовала над одинаковыми коробочками мышьяку, и мышьяковые тридцать уколов были обычным курсом для малокровных, утомленных, неврастеников. Засучив рукава, они переминались в докторской, покада беленькая сестрица кипятила иглу и отпиливала стеклянные горлышки капсуль. Но в истекшем летнем сезоне (и особенно на кавказских „группах“) коробочек стало куда больше, и притом самых в виду разнообразных, нестрых, не одинаково надписанных. К коробочкам прибавились флаконы и бутылочки препротивного запаха, и для каждого больного сестрица выскивала особую коробку, и самих больных числом сильно прибавилось, иначе сказать—лечение „впрыскиванием“ стало более массовым, нежели раньше. Но врид ли много санаторников знает, что хотя игла и капсулька, и сестрица, и запах эфира, и кипяченье,

все как будто осталось таким же, как при мышьяке,—между милым стандартным прошлогодним мышьяком и огромной долей нынешних коробочек легла пропашть, пропашть целой эпохи. Два типа лекарства тут встретились и вытеснили один другой. Обычный мышьяк, дозу неорганического йода, вводимого в кровь,—заменили всякие инсулины, адреналины, мамокрины, овариокрины, спермины,—вытяжки из желез животного организма. Наши санатории положительно увлеклись этими новыми средствами, которые для Европы и для Америки давно уже перестали быть новыми.

Откуда же они у нас взялись, да еще в таком количестве, да еще так щедро прописываемые санаторным ординатором,—существом, по мнению знаменитого бах-

за предполагаемой колеей Черноморской железной дороги, идущей справа (если глядеть на гору, спиной к морю) из туннеля, а слева—по мосту. Дорога на гору трудновата и словно нарочно вид имеет „непропоренный“, для отшиба любопытных. Вобразившись наверх, к внушительному зданию, внушительному проволочному заграждению, внушительным воротам,—натякаешься на второй „отшиб“, краткую надпись над запертыми дверями, что осмотр питомника из-за ремонта временно прекращен. Если путешественник эти отшибы преодолет, перед ним откроется особая жизнь, особый напряженнейший труд; навстречу ему выйдет необыкновенный маленький человек в черной ермолке, с бледным, острым лицом, с живыми черными глазами, с карма-

нами, оттопыренными от орехов и сладких мучных плодов, похожих на бананы, пропитанных душистым и сильным ароматом,—мифический человек, которому наша органотерапия обязана сейчас почти всем,—д-р Тоболкин.

Бывает так, что место и условия, в которые вы попадаете, сразу же очень сильно возбуждают ваше воображение резкой своей несхожестью с обычным миром: некоторые уголки музеев, например, или распределительные станции с их таинственным циферблатом кнопок, или полки с коллекциями ядов в аптеке. Вот таким сильным впечатлением несхожести, замкнутости в своей собственной логике, чрезвычайной значительности, какой-то даже опасностью („берегите очки и часы“—предупредят вас немедленно) одаряет посетителя обезьяний питомник, как только вы перешагнете за его дверь.

Назначение питомника—акклиматизировать обезьян (зверя тропического) в субтропическом климате Сухума, чтобы в дальнейшем, проводя акклиматизацию со ступени на ступень,—сделать чувствительного шимпанзе привычным к нашему средне-русскому климату. Акклиматизировать—значит не только поселить, но и привить способность к размножению, как если бы зверь находился у себя на родине.

Но, спрашивается, для чего нам нужны обезьяны? Если мы в хозяйстве понимаем хотя столько же, сколько гоголевская Коробочка, мы должны

сразу увериться в том, что уж на что-нибудь да нужны обезьяны, и товар они дорогой, если в 1925 году последовал особый закон, изданный Францией, о запрещении вывоза обезьян из африканской колонии Камерун, бывшей раньше немецкою, а сейчас поделенной между Францией, Англией и Бельгией. Осмотрительная Коробочка, узнав, что Чичиков торгует у ней мертвые души, решила цены своей не называть, а подождать, пока „наедет покупатель“ и приценится. Мы же, как только последовал французский запретительный закон, поступили иначе: мы решили, коли на то пошло, завести обезьян у себя. Первый опыт с доставкой тринадцати обезьян кончился неблагоприятно,—не доехали обезьяны, а доехавшие—подохли от глистов. Но второй опыт, выполненный самим доктором Тоболкиным, удался: он привез в Сухум 14 обезьян, среди которых имеются гамадрилы, павианы, резусы. Эти обезьяны благополучно перезимовали в Сухуме, и сейчас первая акклиматизационная задача решена блестяще: они уже принесли

Гамадрила-мать с детенышем, рожденным в Сухуме.

метьевского Кузьмича, — скуповатым? Неужто из-за границы?

В том-то и дело, что не из-за границы. Здесь мы сталкиваемся с явлением „комплексного“ порядка: с одной стороны, научная революция в медицине докатилась и до нас, с другой—мы создали новую, страшно выгодную, очень экономически интересную отрасль промышленности, остановили ввоз из-за границы дорогих препаратов, насытили свой рынок, и в будущем неизбежно начнем вывозить наши изделия и за границу. Но промышленная сторона органотерапии настолько большой вопрос, что к нему мы вернемся позднее, в конце очерка, а сейчас прогуляемся вместе с читателем к обезьянам—матерям и кузинам будущей промышленности.

Где же, все-таки, находятся обезьяны?

Тут уж сердитый сторож, вида неотступность вашу, даст сухой ответ: „Идите на гору, за белым зданием, вот-он туда“...

„Во-он“—протяженное определение—указывает точку на горе, за городом, точнее—

приплод. Две обезьяны — Примус и Максимка — наглядно показывают, что тропические гости у нас осели прочно, тем более, что мамыши этих двух обезьян уже опять забеременели.

Но я еще не ответила на вопрос, для чего нам нужны в Союзе обезьяны: для опытов по омоложению вороновским способом, — это одно; для дальнейшего развития промышленной и научной органотерапии, — это другое. Для чисто научных опытов с прививкой обезьянам туберкулеза, венерических болезней и рака, — это третье. Мы знаем, что как только какал-нибудь человеческая болезнь привилась на животном, ее можно считать побежденной. И если, например, рак до сих пор остается губительнейшим бичем человеческим, то потому лишь, что кровь животного не воспринимает ракового яда. Не удавалось до сих пор ни одному млекопитающему привить рак; а когда прививали (кроликам), то он сам собой через некоторое время „проходил“. Страшный яд, ничем не изгоняемый из человека, даже хирургическим вмешательством, — бессилен перед кроликом! Только совсем недавно заговорили о близкой победе над раком. Французский ученый Кальметт работает сейчас над прививкой рака обезьяне, и наша „кузина“ по Дарвину — обезьяна — оказалась доступной для ракового яда. Еще, может быть, пять — шесть лет, и рак будет обезврежен, как дифтерит...

Но научные опыты с обезьянами для сухумского питомника еще в будущем. Пока это веселый для обезьян и тяжелый для работающих в нем людей своеобразнейший городок, где есть все, что требуется драгоценной обезьяне: отлично устроенные клетки и зимние помещения, бани, операционная, химическая лаборатория, несколько десятин прекрасного сада, свой курятник, где и куры не совсем обыкновенные: они привезены из Москвы яйцами и выведены в инкубаторе. Обезьяны любят яйца; и кур разводят исключительно для них, потому что в Сухуме яйца — дорогое удовольствие, доходит до двух рублей десяток.

Доктор Тоболкин подводит посетителя к большой клетке. Руки его привычно шаривают в кармане лакомство. Но уже он замечен, и другие руки, — подобие человеческих пальцев — маленькие, волосатые, с блестящими крепкими ногтями, — всей темной пятерней хватают его за полу душитого пиджака. Обезьяны знают своего „хозяина“ и отзываются на клички. В клетке две самочки и один сердитый самец. У маленькой, второй жены — на груди крохотный черный комочек, волосики на красной голове напоминают человеческие. Это — Максимка, двухнедельный малыш. Он появился на свет как раз во время посещения питомника тов. Рыковым, и тут же его октябрь, при чем были предложены имена двух юбиляров, — Максимка и Лева;

В обезьяньем питомнике.

голосами рабочих предпочтение отдано первому. Максимка сосет свою мать почти не отрываясь. Ее красный, истерзанный сосок бесстыдно блестит из черной шерсти. Рукою тонкой и нежной, классическим жестом Мадонны, придерживает мать своего сосунца у груди. Первая жена, брюхатая, сидит во второй клетке уже по-семейному: с мужем и веселым первенцом Примусом, или „Примкой“, как его зовут служащие и д-р Тоболкин. Примка недавно отнят от груди, он уже начал есть бананы и орехи. Мать, правда, не поощряет этого; первое время она хватала сынишку за шиворот и пальцами чистила ему рот, чтобы недоделанная пища не причинила маленькому вреда. Какая хорошая агит-картинка для наших лесей и консультаций, где часто врачи из сил выбиваются, внушая неразумным человеческим матерям не совать ребенку в рот что попало. Однажды Примус удрал из клетки в сад с обезьянкой другого племени, постарше (она и подбила его на бегство). К вечеру оба они вернулись в клетку. Но мать Примуса крепко схватила за уши чужого „совратителя“ и надрала ему уши так, что он уже не подходил больше к ее сыну. Вообще же, наравне с разумным, обезьяний быт имеет много неутешительного, по линии „женотдельской“. Самец — хозяин и глава. Пока он не насытился, жена есть не смеет. Тщетно подзываете вы самочку ласковыми словами, просовывая в клетку вкусный плод, — она и не шевельнется вам навстречу, потому что невдалеке сидит нахмурившись самец, глядит живыми черными глазами и почесывает длинным, крепким пальцем свой волосатый живот, — почесет и поглядит, что вычесал. Он спокоен, потому что в дому у него порядок.

Странное и сильное впечатление оставляют обезьяны, их красные, припухшие задки, их беременные животы, придерживаемые ладонью, серый оскал их губастых лиц и эта обстановка родильного заведения, этот клинический наблюдательный, осторожный режим, — здесь царствует самое сильное, что есть в мире, оголенное, взятое за скобку, изучаемое, препа-

рируемое, как лекарство, поставленное человеческой мыслью, как всесторонняя проблема — половое начало, *sexus*.

Д-р Тоболкин, основавший сухумский питомник и работающий в нем буквально не покладая рук, является фактически и отцом Московского государственного института экспериментальной эндокринологии, возглавляемого профессором Шервинским. В самое трудное для науки время, спустя месяц после образования Наркомаздрава, в 1918 году, у себя на квартире Яков Андреевич Тоболкин и его жена устраивают первые зачатки будущего института: ферму „тиреодектомированных коз“, т.е. ферму, где разводятся козы, у которых вырезают щитовидные железы. Молоко таких коз в течение ряда лет (пока оно не исчезнет) служит лекарством для больных базедовой болезнью. Но Тоболкин не ограничился своей фермой, а двинул дело органотерапии беспрерывно вперед, все в обстановке маленькой квартиры, на печке, примусе, в баночках своей домашней кухонки. Пропало у коз молоко — он перестал выбрасывать оперируемые железы, а сделал из них препарат, который уже предназначался для другого рода больных и в то же время мог вылечить самих коз. За этим препаратом, тиреокином, — последовали адреналин, инсулин, овареокин, питуитрин. Болезни обмена личников, желез, все виды нервных заболеваний получают мощную помощь от этих препаратов. Качество их таково, что недавно институт получил заказ из Германии на инсулин. Потребность союзная — покрыта полностью. Перед Тоболкиным стоит теперь очень важная задача организации органотерапевтической промышленности, для которой у Союза имеется огромная внутренняя предпосылка. Дело в том, что в Европе и Америке требования на такие препараты колоссально растут с каждым годом. Для этих препаратов нужен убойный скот. В Европе его мало. А в Союзе, и особенно в скотоводческих наших районах, — огромное количество. Мы смело могли бы при развитии дела завоевать близлежащие европейские рынки.

Жизнеспособность и крайнюю необходимость этой задачи доказывает последовательный рост маленькой козьей фермы, где сперва были только 4 козы и 1 козел, — сперва в институте органотерапевтических препаратов, а затем в вышеупомянутый Государственный институт экспериментальной эндокринологии, имеющий всеобщее значение и собравший вокруг себя много выдающихся ученых. И промышленное развитие нашей органотерапии тоже не за горами,

Марията Шагинни.

Воспитатель угощает питомца свежими фруктами.

Херста, главу желтого американского издательского треста, не пускали во Францию, не давали ему визы, так как французы, как выяснилось, имели на то довольно веские основания. Все же в конце концов французы, очевидно желая привлечь его на свою сторону, выпустили Херста.

Херст приехал и сразу связался со своим журналистом Хореном. Этот же последний, изображенный на нашем снимке, оказался довольно предупредительным малым, и, обеспокоен от присутствия своего патрона, завязал связи с кем нужно, достал секретный циркуляр французского министерства иностранных дел по поводу франко-английского военно-морского компромисса и опубликовал его в печати.

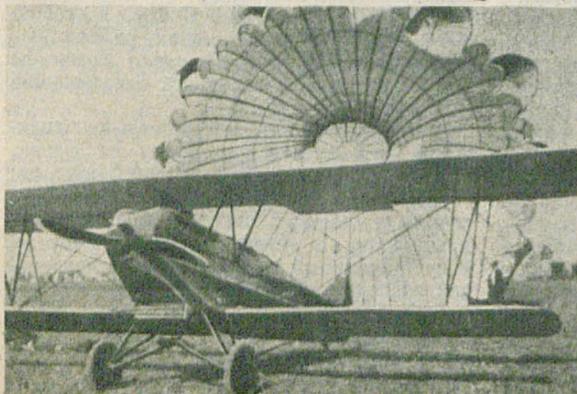
Французская полиция не осталась в долгу и арестовала Хорена, требуя от него выдачи имен тех, кто сообщил ему секретные сведения из министерства. Хорен, добившись того, что ему было нужно, не считая нужным проявлять излишнюю щепетильность и выдал своих сообщников.

После этого бдительность французской полиции обратилась именно на них, и Хорен смог благополучно убраться сначала в Бельгию, а затем в Америку.

Мавр сделал свое дело.

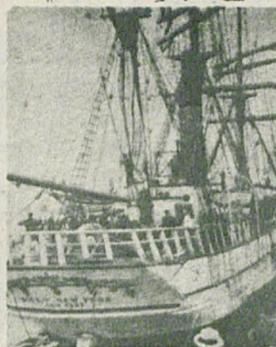
Новая экспедиция на очереди. Знаменитый летчик Вирд, побывавший на Северном полюсе,

параплант для аэропланов, изобретенный недавно в Германии, представляет необычайно ценное нововведение в авиации.

Благодаря ему, при аварии с мотором в воздухе представляется возможность спасения не только для пилота, но и для всего аппарата, плавно спускающегося с высоты на землю.

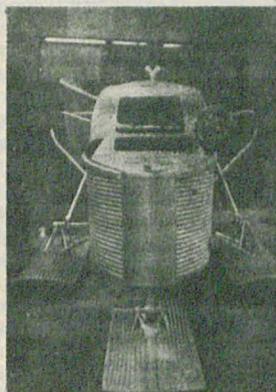
теперь собрался в новую экспедицию на Южный полюс. На этот раз Вирд решил отправиться на полюс на корабле „Сити оф Нью-Йорк“.

Экипаж корабля состоит из 55 человек, и числе которых имеются видные авиаторы, мореплаватели и ученые.

Не мешает нашему „Красину“ быть наготове. Южный полюс, правда, район несколько „окраинный“ для „Красина“, но иностранные спасательные и исследовательские экспедиции уже не только доказали другим, но и убедились сами в том, что без „Красина“ „отважным путешественникам“ придется не сладко.

Советская авиация на берлинской выставке. Международная авиационная выставка в Берлине является крупным событием в авиационном мире. Советская авиация послала на

выставку наиболее характерные из наших гражданских тяжелых и легкомоторных самолетов. Советский стэнд и его экспонаты вызвали уже ряд откликов на страницах иностранной прессы. Одним из экспонатов, привлечших наибольшее внимание, являются изображенные на нашем снимке аэро-сани. Сани, отличающиеся оригинальностью форм, приводятся в движение мотором „Вристорль-Люцифер“ с поступательным воздушным винтом.

Официальный туалет для безработных еще не выработан законодателями этикета европейской столицы. В то же время, как известно, англичане не любят оригинальности, особенно если она исходит от безработных, а стачечников. Неудивительно, поэтому, что бывшего сержанта Вагстафа, явившегося к зданию парламента с целью подать петицию

от имени 35.000 бирмингемских безработных, задержала полиция. Вагстаф был бос и, как символ зависимости рабочих от эксплуатации капиталистов, одел ручные и ножные кандалы.

Блестящая книжка „Льды и люди“ А. Гарри, участника похода „Малыгина“, является не только художественным документом необычайной экспедиции по спасению экипажа „Италия“, но и просто — по мастерству описания, по исключительной зоркости и остроте наблюдений — ярким художественным выступлением. Очерки А. Гарри лишний раз показывают, что провинить талант художника можно всюду, на любой работе журналиста. Уж, казалось бы, такая „однообразная“ стихия, как Арктика — какие краски она могла породить на палитре

„корреспондента“? Между тем, книжка А. Гарри полна красок, жизни, она насыщена, что называется, до краев и читается, как подлинное художественное произведение, как оно по справедливости и является, несмотря на фактическую канву. Пожелаем талантливому автору продолжать работать по описанию других событий нашей действительности с таким же успехом. Книжка А. Гарри издана Библиотекой „Огонек“.

Принц Уэльский. Несмотря на неизбежные наследственные права английских монархов, наследник престола Великобритании, принц Уэльский, не брезгает никакими средствами для увеличения популярности среди своих подданных. Одним из таких „театральных фортелей“ был эпизод, разыгравшийся в свое время при путешествии принца Уэльского. В английском флоте существует обычай, согласно которому тот, кому впервые приходится пересе-

чь экватор, должен подвергаться всяческому издевательствам. В данном случае об'ектом издевательства был брат принца Уэльского, герцог Глостерский. Принц Уэль-

ский оделся в своеобразный костюм, выбрал своего брата, или, в вернее, помог выбрать его, так как роль парикмахера играл казначей судна, а затем окунул „его высочество“ в бассейн с водой. Теперь английские журналы выкопали этот снимок и многократно воспроизводят его. Очевидно, за последнее время принц Уэльский не давал никаких материалов для других сенсаций, и пришлось прибегнуть к архивам королевского двора.

Ингу в деревню. Широко развернулся культурный поход по всему Союзу. Все чаще поступают сообщения об открытии новых школ, издательств, пунктов ликбеа. Ведется перепись в всех неграмотных,

В знак преданности своему вождю фашисты из Трентино поймали орла, посадили его в клетку и преподнесли Муссолини.

организованы курсы инструкторов ликбеа. В Туле комсо-

мольцы провели сбор литературы для отправки в деревенские читальни. На снимке: комсомолец получает книги.

В Библиотеке „Огонек“ вышла книжка рассказов С. Гехта „Полет за 15 рублей“. Рассказы даровитого писателя чи-

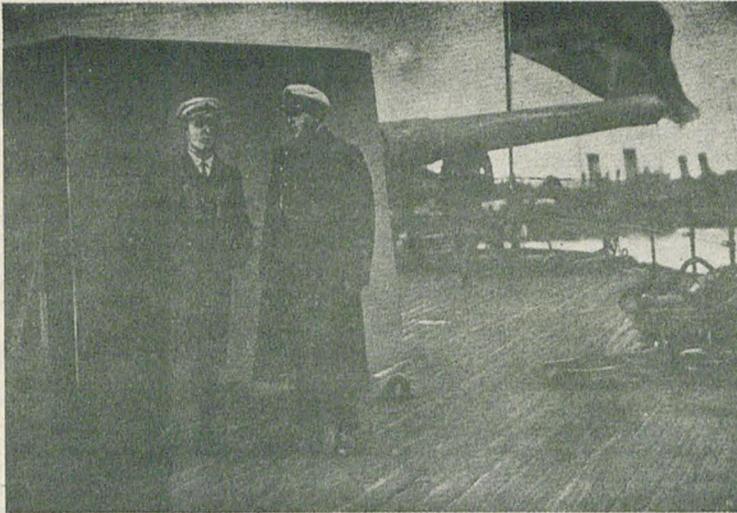
таются с большим интересом. С. Гехт за последнее время сделал, как писатель, значительные успехи и все больше обращает на себя внимание читателей и критики.

СЛЕДИТЕ ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯМИ!
В ближайших номерах „ОГОНЬКА“ будут опубликованы условия подписки на 1929 год.

Символ власти. Могущество Муссолини, его возросшая захватническая деятельность приводит в восторг фашистские сердца.

В знак преданности своему вождю фашисты из Трентино поймали орла, посадили его в клетку и преподнесли Муссолини.

На краснознаменном крейсере „Аврора“ имеется несколько участников героических дней Октября. Командир крейсера тов. Поленов в историческую ночь был дежурным по крейсеру и командовал орудием, из которого был дан залп по Зимнему дворцу (см. снимок в прошлом № 45 „Огонька“—„Первый выстрел Красного флота, на стр. 13).

На снимках: валево—орудие, из которого был дан залп по Зимнему: около него—б. командир крейсера т. Поленов (слева) и комиссар т. Варюшков; рядом—участники исторического похода в Петроград на „Авроре“ (слева направо) тт.: Крючок, Поленов, Некрасов.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПУЗЫРИ

„Таракановщина“ в театре Сатиры.

„Москва. Трамвай. Редакция. Очередь. Встречи. Разговоры. Дом Герцена. Вагонная жизнь, в вагоне нельзя писать“,—жалуется писатель Дорогойченко в газете „Читатель и Писатель“ на свою московскую писательскую судьбу.

„В вагоне нельзя писать“. А зачем писать, когда в этом стоячем болоте можно за два трамвайных билета купить чье-нибудь бездарное стихотворение и, прикрывшись „пролетарским“ происхождением, втереться в доверие к какому-нибудь „критику“? Они ведь так падки на сенсации, на „модные имена“!

На этом построена новая театральная сатира В. Ардова и Л. Никулина—„Таракановщина“. Молодой, без определенных занятий, но зато с изрядной долей нахальства и самоуверенности человек, приобретающий у своего голодающего соседа небольшое и довольно-таки бесмысленное стихотворение, несет его к кри-

тику Сватову. Сватов давно уже тоскует без сенсации. Ему дозрелу нужен „пролетарский“ поэт, которым он мог бы шикнуть в литературных „салонах“. Тараканов, так Тараканов,—ему все равно. Тем более, что тот выдает себя за монтера. И вот вокруг Тараканова начинается страшная возня. Кто-то пишет на его глупейшие стихи музыку, кто-то инсценирует их в кино, кто-то приглашает его на диспуты, кто-то подписывает с ним договор на полное собрание его сочинений (хотя Тараканов за всю свою жизнь не написал ни одной связной строки). И как же иначе? Ведь „сам“ Сватов объявил Тараканова знаменитостью, восходящей звездой, гением.

Критик Сватов (арт. Р. Г. Корф).

Тараканов на вершине славы! В его честь поются кантаты, за ним плетутся толпы поклонников, хвосты „обожателей“. Но вот из какого-то кабинета протянулась чья-то рука со стихами Тара-

канова, и чей-то внушительный и ответственный голос сказал: „Чепуха!“ Голос этот подхвачен, голос этот дошел до Сватова как раз в ту минуту, когда он на новоселье Тараканова произносит громкую речь в честь нового литературного свегила. „Чепуха“?—взволнованно спросил Сватов и, ничтоже сумяшеся, заканчивает свою речь полным уничтожением Тараканова. И Тараканов летит в бездну.

Иван Сермяжнин (арт. С. П. Вязниковская).

Нельзя злее надсмеяться над нашим литературным болотом, в котором копошатся десятки и сотни Таракановых, спекулирующих на своей „славе“, раздутой досужими Сватовыми.

Правда, острота сатиры в значительной мере пропадает в результате настойчивой погони авторов за красным и смешным словом. Надо всем довлеет желание во что бы то ни стало рассмеить зрителя.

Это, несомненно, мельчит пьесу. Авторы не подняли своего драматургического „изложения“ на ту высоту, к которой обязывала тема. Наша советская литература, выдвигающая чуть ли не ежедневно подлинно блестящие и глубокие таланты, заслуживает того, чтобы ее „каленным пером“ очищали от Таракановых и Сватовых. При всех этих недостатках театр Сатиры получил в пьесе Ардова и Никулина веселый и благодарный материал для своих артистов, блестяще сыгравших галерею московских литературных типов, многих из которой зритель узнает в лицо.

Последний акт. Новоселье у Тараканова.

Борис Гусман.

Рассказ Ирмы Галац. Иллюстрации К. Елисеева.

— Вы, следовательно, претендуете на должность бухгалтера. Я принимаю к сведению ваше предложение. Однако, ничего определенного... Не могу вас обнадежить... Вы ведь пятдесят седьмой по этому делу...

— Прошу извинения, — произнес посетитель, вынимая из кармана письмо, — вот рекомендация от его превосходительства г. депутата Десейтер. Если бы г. директор был так любезен и прочел бы...

Лицо директора мгновенно прояснилось.

— О!.. О!.. Сам г. депутат вас рекомендует. Это — совсем другое дело, мой

друг! Как ваша уважаемая фамилия? Пальтман? Очень хорошо! Можете быть вполне уверены, дирекция обсудит ваше заявление с самым благожелательным вниманием.

Посетитель откланился, рассыпаясь в благодарности. Директор повертел в руках письмо с знакомым почерком депутата на конверте и привычным движением протянул руку за ножом, чтобы распечатать письмо. В это время раздался телефонный звонок. Директора вызвали по неотложному делу. Он бросил письмо в ящик бюро, намереваясь прочесть его попозже. «Впро-

чем, — подумал директор, — напрасная трата времени. Все эти рекомендации на редкость однообразны. Я их сегодня прочел немало... Почти каждый обязательно приносит послание от какого-либо покровителя... Но, господин депутат!» — И в душе директора мгновенно созрело решение: «Придется принять, нельзя же отказать в такой мелочи г. депутату!»

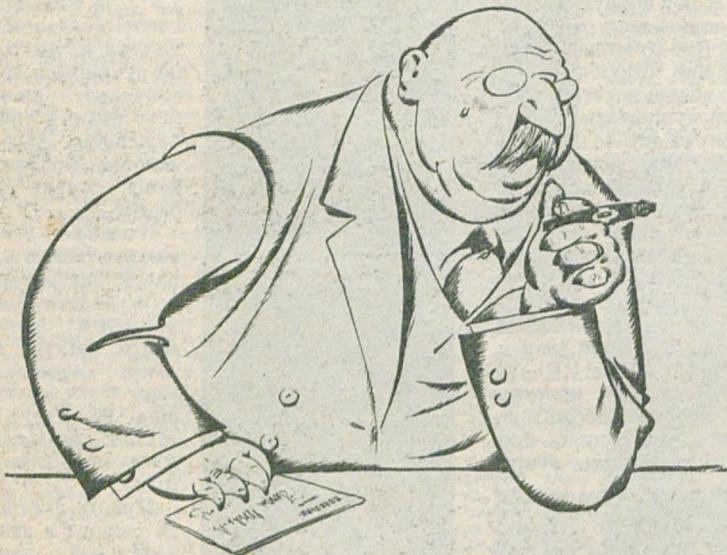
Тремя днями позже Пальтман занял должность бухгалтера. Человек неглупый, он часто и охотно рассказывал о своей сердечной

...Охотно рассказывал о своей сердечной дружбе с депутатом...

доставите огромное удовольствие, если вышвырнете его так, чтобы он навсегда забыл дорогу к вам, а заодно и ко мне. «Всегда готовый к услугам ваш преданный друг Десейтер, депутат».

Перевел И. Невсеров.

...— Как ваша уважаемая фамилия?..

ИНДИЙСКОЕ ЛЕТО

Стихотворение В. Наседкина.

Роща опять разодела.
Густо-синее река.
Здравствуй, индийское лето,
С легким вином холодка.

Липа, береза ли, дуб ли —
Словно цветы на полях.
Вновь у Советских Республик
Индия нынче в гостях.

Ходит любимая гостя
По травяному кольцу.
Тонкой рябины гроздь,
Вижу, ей очень к лицу.

И, как цветок гигантский,
Вышит на платье клен.
Песнею древне-цыганской
Лучше бы вспомнить о нем.

Вспомнил и вытянул губы
Ветер. Кричат журавли.
Не золотые ли трубы
Где-то запели вдали...

Что же, мы Индии рады,
Ласке ее и цветам,
Сладость медовой прохлады
Тоже всем нравится нам.

Только удобно ли это
(Я тут несколько не лгу):
Мы у индийского лета
Очень и очень в долгу.

За тишину и за краски
Должен же кто-то хоть раз
К Индии съездить и братски
Кланяться ей от нас.

В полпреды есть два кандидата:
Первый — метелен и храбр,
Но понадежней собрата
Будет суровый Октябрь.

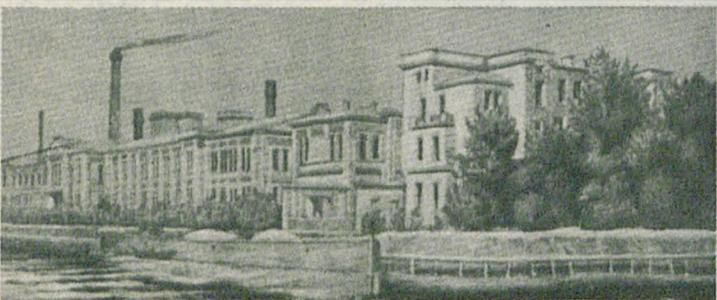
НАШИ ФОТОГРАММЫ

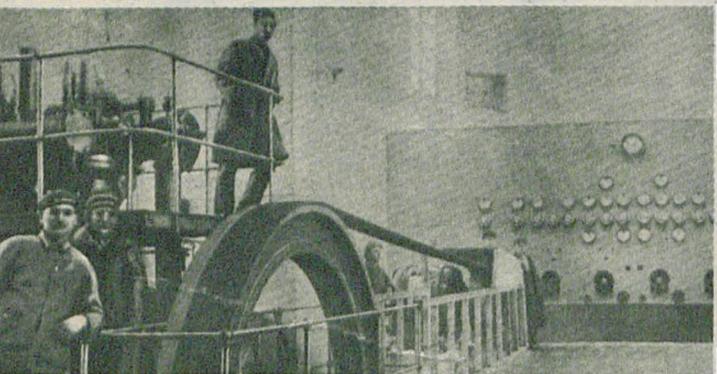
ЮБИЛЕЙ М. Н. ПОПРОВСКОГО. В Ленинграде, в Выборгском доме Культуры, состоялось торжественное заседание, посвященное 60-летию М. Н. Покровского. На заседании присутствовали представители Облкома ВКП (б), ЛОСПС, всех вузов и комвузов Ленинграда, Института марксизма и пр. На снимке — президенту заседания.
Фот. С. Иванова.

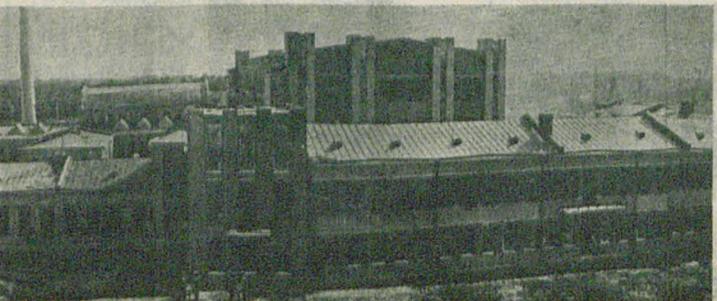
НЕДЕЛЯ СБОРА ЖЕЛЕЗНОГО ЛОМА. В Ленинграде была проведена неделя сбора железного лома, в течение которой на свалках, при заводских дворах было собрано большое количество ценного черного металла. Фот. С. Иванова.

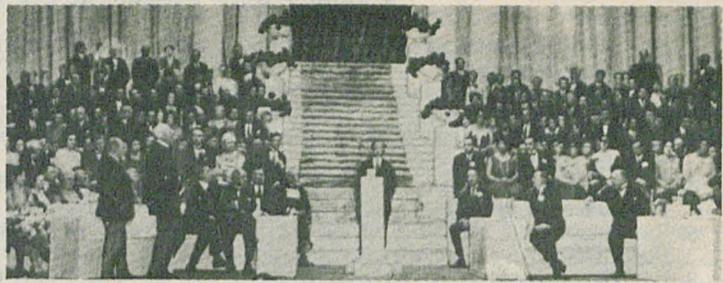
ДВОРЕЦ ХИМИИ В ЛЕНИНГРАДЕ. На Ватном острове начата перепланировка здания для Дворца химии, открытие которого предложено в конце ноября. Директором Дворца химии, так же как и Института химии, будет акад. Н. С. Курнаков.
Фот. С. Шемята.

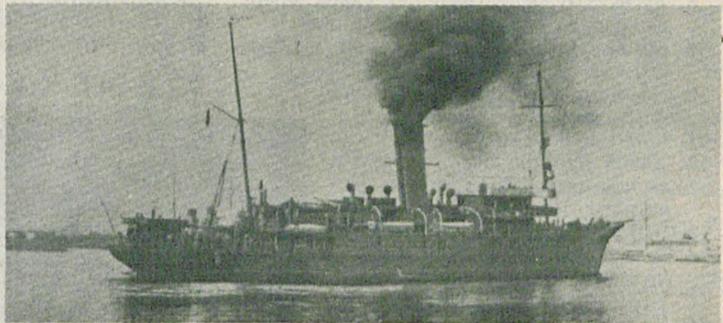
ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ „X ОКТЯБРЬ“. В Юрьеве-Польском закончено оборудование электростанции, устроенной в здании б. монастыря. На снимке — распределительный щит высокого напряжения.

КИНО-ФАБРИКА В КИЕВЕ. В Киеве заканчивается постройка грандиозной кино-фабрики. Помимо исключительного оборудования, достоинством новой фабрики являются еще природные условия территории, на которой она строится: многоступенчатый сад, холмы, долины, овраги дадут возможность производить ряд съездов, не выезжая из пределов фабрики.

ТРИДЦАТИЛЕТНЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА было торжественно отпраздновано всей московской общественностью. На нашем снимке — празднование юбилея в помещении театра. На сцене — артисты и работники театра. На переднем плане, налево — К. С. Станиславский и В. П. Немирович-Данченко.
Русс-Фото.

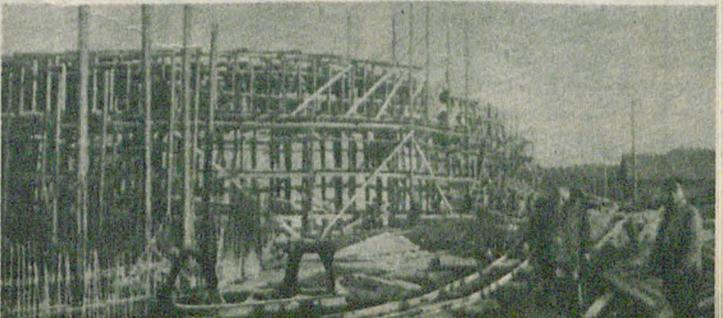
НА ПОМОЩЬ ЖИТЕЛЯМ ОСТРОВА ВРАНГЕЛЯ. Правительственная арктическая комиссия решила послать на остров Врангеля ледорез „Литке“ с самолетом на борту. Ледорез ремонтировался в Севастопольском порту и будет отправлен из Черного моря во Владивосток.

ПРОТИВ ЗЕЛЕННОГО ЗМИЯ. В Ленинграде открыта противоалкогольная выставка, показывающая на электрифицированных манекенах-экспонатах вред алкоголя на различные органы человеческого тела. На снимке — один из манекенов.
Фот. С. Шемята.

СТРОИМ НОВЫЕ ШКОЛЫ. В Иваново-Вознесенске открыта новая школа II степени. Школа располагает 16 классными комнатами, 3 мастерскими, библиотекой, специальным залом для физкультуры, вышкой для астрономических наблюдений и т. д.

ПЕРВАЯ ФИЛЬТРОУСТОЙНАЯ СТАНЦИЯ В ССРС. В Ленинграде заканчивается постройка первой фильтроустойная станция, оборудованная по последнему слову техники. По своим размерам и оборудованию станция занимает третье место в мире. Она будет ежедневно давать Ленинграду 25 миллионов ведер очищенной воды.

„ВИКТОРИНА“ — ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „ОГОНЬКА“

Серия сорок четвертая — „ЧТО ВЫ ОБ ЭТОМ ЗНАЕТЕ?“

1. Кто автор проекта нового здания Московского телеграфа?
2. Где и когда существовала организация „Времен года“?
3. Какое море лежит на 26 метров ниже уровня воды в океане?
4. Где находится знаменитый Никитский ботанический сад?
5. Как назывался первый построенный в России аэроплан и кто его конструктор?
6. Кто из современных монархов царствует со дня рождения?
7. Какое отступление от истины допущено Шиллером в его трагедии „Орлеанская дева“?
8. Легенду о существовании какой земли разрушила советская экспедиция?
9. Какое существовательное обычно употребляется только в двух падежах?
10. Назовите авторов произведений „Два конца“ и „Три конца“?
11. Кто такой Вася Алексеев?
12. Какой иностранный писатель и за что был лишен ордена Почетного Легиона?
13. Что такое супонь?
14. В каком государстве цветы являются предметом экспорта?
15. Кто был Васко-де-Гама?
16. Какой автор часто давал своим произведениям заглавия из пословиц?
17. Что такое майорат?
18. Какой художник написал панораму „Оборона Севастополя“?
19. Какая разница между изотермой и изобарой?
20. В каком произведении известного английского поэта выведена Екатерина II?
21. Где находятся Железные ворота?

22. Какой известный русский поэт умер, не дожив до 22 лет?
23. В каком году погибли Геркуланум и Помпея?
24. Что такое леониды?
25. В какой день недели были именины Татьяны Лариной, описанные в „Евгении Онегине“?
26. Кто была Василиса Мелентьева?
27. Что такое болид?
28. Столицей какого государства является город Богота?
29. Чем было при Петре I здание Ленинградского университета?
30. Какой театр в Москве носил название животного?
31. Что такое стрежень?
32. Кто был Лоне-де-Вега?

33. В каких случаях человек характеризуется названием одежды?
34. Какое знаменитое скрипача за его виртуозность обвинили в сношении с печистой силой?
35. Как называлось в Риме осуждение без суда и проверки одним росчерком пера диктатора?
36. Что такое молозиво?
37. Какая держава способствовала подавлению революции 1848 г. в Венгрии?
38. Какой русский поэт-классик писал комедии и водевили под псевдонимом Перепельского?
39. Что такое ломонос?
40. Какие металлы называются черными?
41. Какие две пьесы Гоцци входят сейчас в репертуар московских театров?
42. Кто такой Гребенка?
43. Какой город является центром Автономной Марийской области?
44. При каком императоре сменились три наследника престола, при чем ни один из них не царствовал?
45. Какой знаменитый немецкий композитор кончил жизнь в доме умалишенных?
46. Кто из деятелей французской революции принял имя Кая Гракха?
47. Какой очень известный русский писатель, умирая, последние слова произнес по-немецки?
48. Какой известный русский художник дал ряд иллюстраций к роману Толстого „Анна Каренина“?
49. Кто автор стихотворения „Лесной царь“?
50. Кто был Леонгард Эйлер?

ЮНЫЕ ШАХМАТИСТЫ

Фото-этиюд А. Кругляка.

ОТВЕТЫ К СОРОК ТРЕТЬЕЙ СЕРИИ *

1. Кино-аппарата.
2. Данная самой государственной властью, в отличие от выработанной народными представительством.
3. Вулканы, последние эти названия, находятся на континенте Южного полюса.
4. Войницкий.
5. Потому что это лишало возможности в случае забастовки пользоваться булыжниками в качестве защиты.
6. И. Мартос.
7. Огород, в котором разводят арбузы, дыни, тыквы.
8. От финского слова „паус“ — мешок, в котором заготавливается икра.
9. Окос.
10. Бурдианова осли и Валаамовой ослицы.
11. К волжской группе финского племени.
12. Д-р Юнкер.
13. Жанни д'Арк.
14. Знаменитый греческий скульптор V века до Р. X.
15. Надсоню.

16. Так называется община в Голландии, находящаяся на месте озера, осушенного в XIX веке.
17. Описание гор и горных цепей.
18. Испанский завоеватель, открывший Великий океан.
19. В „Русских женщинах“.
20. В Тульской губернии.
21. Алмаз для резки стекла.
22. Разграничивающая две воюющие стороны во время перемирия или перед заключением мира.
23. Уголовно-процессуальный кодекс и гражданский процессуальный кодекс.
24. Академик Заболотный.
25. Угломерный инструмент, употребляемый на судах.
26. Был раздавлен поездом.
27. Оба были его внуками.
28. Клет.
29. Травянистые равнины на севере Южной Америки.
30. Людовик XVIII.
31. Явление, наблюдающееся в горах Гарца и заключающееся в том, что увеличенная тень человека отбрасывается на нижние слои облаков.
32. На Черном море.

33. Кричать. 2. Пахать, или врываться в землю для посева.
34. Керчь.
35. Отражение солнечного света от верхних слоев атмосферы.
36. Крупнейший писатель-драматург Греции.
37. Да, на 9 человек (было 45, а стало 54).
38. Два горных пика на Памире.
39. Связки хвороста, употребляемые для замощения дорог и засыпки топких мест.
40. Когда она протекает через озеро.
41. 14 июля во время охоты в Марли записал в дневнике: „Помешали“.
42. Мясо и шкура козла.
43. Памятник герцогу Ришелье в Одессе.
44. Александрополь.
45. Музыкальное произведение, исполняемое во семью голосами или инструментами.
46. Герой „Занясок сумасшедшего“.
47. На реке Воронеж.
48. Спирова.
49. Передняя часть русской печи под дымовым отверстием.
50. На приливе крови, вызванном раздраженным от сгорания воздухом под банкой.

* Вопросы см. в № 44 „Огонька“.

Редактор **МИХ. КОЛЬЦОВ**. Издатель — **АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“**. Непринятые редакцией рукописи не возвращаются. **РЕДАКЦИЯ** — Москва 6, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12. **ГЛАВНАЯ КОНТОРА** — Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 3-12-56. **ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ** — Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09.

Самый распространенный в СССР еженедельный иллюстрированный журнал

Огонек

С ПРИЛОЖЕНИЕМ „БИБЛИОТЕКА ОГОНЕК“ (художественные произведения лучших советских и иностранных авторов, беллетристика, поэзия, сатира и пр.) по две книжки еженедельно.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
„Огонек“ с „Библиотечкой Огонек“ на 2 мес. — 2 р. 80 к., на 1 год — 1 р. 40 к. „Огонек“ без „Библиотечки“ на 2 мес. — 80 к., на 1 год — 40 к. Огд. № — 10 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОЯБРЬ

Еженедельный иллюстрированный журнал

ЗА РУЛЕМ

Орган Всесоюзного О-ва „Автотор“

Все об автомобилевом и дорожном деле в СССР и за границей

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на 2 мес. — 60 коп. Огд. № — 30 коп.

Массовый орган советского фото-движения

СОВЕТСКОЕ ФОТО

Еженедельный журнал фото-любителей и фото-репортажа

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на 2 мес. — 90 коп. Огд. № — 50 коп.

Теория и практика газетно-журнального и книжного дела

Журналист

Еженедельно-политический и профессиональный журнал Центрального Бюро Секции Рабочих Печати СРПФ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на 2 мес. — 1 р. 40 к. Огд. № — 70 коп.

Еженедельный сатирический журнал

СМЕХАЧ

Журнал выходит при участии лучших советских писателей, художников и фельетонистов печатается в 8 красок

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на 2 мес. — 1 р. 20 к. на 1 мес. — 60 коп. Огд. № — 15 коп.

Еженедельно-литературный, хозяйственный журнал

ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

Постоян. отделы: Литература, Дом и хозяйство, Кройка и шитье, Здоровье семьи, Красота

МОДНАЯ СТРАНИЦА по последним европейским модам и много др. И каждому номеру прилагаются вырезки выкройки и контурный лист.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на 2 мес. — 2 р. 30 к. Огд. № — 1 р. 30 к.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ: Москва 6, Страстной бульвар 11, Акционерному Издательскому О-ву „ОГОНЕК“.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также и по почте, отделениями „Правды“ и „Известий ЦИК“, контрагентками и всеми киосками „Контрагентства Печати“.

ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

ГОСМЕДТОРГПРОМ

ХИМФАРМЗАВОД
ИМ.
Н.А. СЕМАШКО
МОСКВА

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылки № 7.

высылаются непосредственно с ЗАВОДА.
Серия „А“ Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка в изящном футляре—21 предмет.
„Е“ „ 2 р. — к. Домашняя аптечка—21 предмет.
„Б“ „ 3 р. — Домашняя аптечка спец. ящики для хранения лекарств—24 предм.
„В“ „ 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—31 предм.
„Ж“ „ — 50 к. Спортивно-карманная аптечка—8 пр. (высылаются не менее 3 шт.)

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.
Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложенным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ ошито на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.) пересылка бесплатна. При наложен. платеже пересылка за счет заказчика

Прейс-курант высылается БЕСПЛАТНО.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОДПИСЧИКАМ РАЗОСЛАНЫ

„Женский Журнал“

В НОМЕРЕ:
Г.Гриния—Плечом к плечу. С десятилетиями женотдела. Е. Пилаткина.—Старому быту—крышка. Альфа-Дельта—Деловитый погромщик. Юр. Соболев—Моск. Худ. театр. А. Пираццелло—Красная книжечка. Г. Гауптман—Демон. С. Розанов—Половой вопрос в детском возрасте. Проф. М. Кушир—Об аборте. Наша стражица. Практические отделы. Рукоделие. Приложение: Для подписчиков: 1) выкройка, 2) конструкторский лист. В розничной продаже—конструкторский лист. Цена отдельного номера—1 р. 30 коп. Подписная плата на 3 месяца—3 рубля.

Вышел № 11 Журналист

(НОЯБРЬ)
В НОМЕРЕ ПОМЕЩЕНЫ:
Итоги Всесоюзного совещания редакторов.—Что сказали тт. Молотов, Ингулов, Ульянов, Муравейский. Что сказали редакторы провинциальных газет.
Советские журналисты на „Малыгине“.—Очерк Александра Яковлева.
Изостранные газеты и посетители о советском навалоне печати в Кельце.—Статья П. Краснова.
На смерть И. И. Скворцова-Стананова.—(Большенек—учебный—редактор). Ст.отр. Бориса Волна, В. Василенко, М. Зингера.
„Наши за границей“.—Статья Д. Тальникова.
Цена номера 70 коп. Подписн. плата на 3 месяца—2 руб.

ПОДПИСУИ И ДЕНГИ АДРЕСОВАТЬ
МОСКВА 6, СТРАСТНОЙ БУЛЬВ. 11, „ОГОНЕК“.

ПОСЛЕДНЯЯ МОДА ПАРИЖА! ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ ЖЕМЧУГА франц. „КЕПТА“ типа „КЕПТА“ искусств., массивн., тяжеловесн., не бьющ., не отлич. от настоящ., 42 сант., с серебр. замк.—9 руб., 50 сант. с серебр. замк.—11 р., 65 сант., с серебр. замк.—14 р. 130 сант.—23 р., 150 сант.—27 р., 170 сант.—31 р.
СЕРЬГИ франц. типа „КЕПТА“ серебр., последн. модн. фасон.—4 р. 65 к. Упаковка, пересылка и страховка посылки бесплатны. Высылаю наложен. платежом.
Ленинград 40, Пушкинск. 10, кв. 66., А. В. Штейн

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую как новую, так и старую, высылают налож. платеж. в 3-дневный срок Отдел почтовых отправлений нижнего магазина ВЦСПС. МОСКВА, Кузнецкий Мост 20.

ЗАРАБОТОК НА ДОМУ

дают легкие кустарные производств. Не требуются больших затрат, спец. оборудования и помещения. Проспект заочного обучения высыл. за две 10-коп. маркн. Адр.: Киев, Главная Почта, ящик 189, И. И. Перекрыстову.

ВЫШЛО НОВОЕ 4-е ИЗДАНИЕ КАК ПРЕДОХРАНИТЬ СЕБЯ ОТ БЕРЕМЕННОСТИ

НЕ ПРИБЕГАЯ К АБОРТУ. А. ОСНИЙ. С рис. в тексте, с пер. 1 р. 50 к. Москва, Князьгород, от. п. 7. Для писем и денег (можно мелк. почт. марк.) Москва, почт. ящ. №867/1. Кн. долб., БУНИНЕРИ“ И А. Дувидзон.

СТАНДАРТНЫЕ ПОСЫЛКИ

№ 87. КОСТЮМ „Юнгштурм“ для членов ВЛКСМ, мужск., малый размер, фуражка, портупей и значек „КИМ“—12 р. 40 к.
№ 8. ТО ЖЕ, женский, кепп, портупей и значек „КИМ“—11 р. 15 к.
№ 88. ТО ЖЕ, мужской, большой размер—12 р. 90 к.
№ 90. ТО ЖЕ, женск.—11 р. 40 к.
При заказе костюмов сообщать объем груди, для фуражек—объем головы.

№ 3. БРИТВА безопасная с 3-ми лезвиями и прибор для бритвы—6 р. 25 к.
№ 71. БЕЗОПАСНАЯ БРИТВА и 2 лезвия—3 р.
№ 85. ДЮЖ. ЛЕЗВИЙ „Интон“ для бегопасн. бритвы—3 р. 20 к.
№ 70. НОВЕИШИЙ прибор „Pouq Gillette“ для гочки лезвий к бегопасн. бритвам—9 р. 70 к.

№ 41. ПРИМУС 4-рожков. и игла „Унирум“—9 р. 85 к.
№ 17. ЧА-СЫ-ходный стек.—5 р.
№ 77. АНГЛ. ЗАМОН с 3-мя ключ.—6 р. 25 к.
№ 76. ФОНАРЬ карманн. электрический и зап. батарейка—3 р.
№ 92. ДЮЖИНА ЛОЖЕК столов. и дюж. чайн. никелир.—21 р.
№ 93. ТО ЖЕ, по 1/2 дюжины тех и других—10 р. 90 к.
№ 45. АЛМАЗ для прот. стекла—4 р. 25 к.
№ 46. ТО ЖЕ, для бемского стекла—5 р. 65 к.
№ 91. КИЛО НАМПЕША и 1/2 кило хромвина для дубл. кожи—7 р. 30 к.

№ 97. ГИТАРА орех., самоучитель и запасн. струны—22 р. 20 к.
№ 83. САМОУЧИТЕЛЬ для гитары по нотнo-цифр. сист. Успенского—2 р.
№ 84. ТО ЖЕ для мандолин и альбом пьес Петрова—2 р.
№ 85. ТО ЖЕ для балалайки по цифр. системе и альбом пьес—2 р.
№ 103. КЕРОСИНОВЫЙ ФОНАРЬ „ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ“ 5 р. 50 к.
№ 104. ЭЛЕКТРОНАГРЕВАТЕЛЬ „БОНОГ“ с запасным патроном, действует при всяком напряже, быстро кипятит воду, заменяя примус и керосинку—5 р. 45 к.

НАБОРЫ ЕЛОЧНЫХ УКРАШЕНИЙ
№ 98. Набор № 1. 40 наименов.—4 р.
№ 99. Набор № 2. 50 наименов.—5 р. 20 к.
№ 100. Набор № 3. 60 наименов.—8 р.
№ 101. Набор № 4. 75 наименов.—9 р. 50 к.
№ 102. Набор № 5. 95 наим.—12 р.

Цены с упаковкой и пересылкой.
Заказы выполняются по получении всех денег вперед. И стандартн. посылаем стоимостью выше 3р. прилагается премия ГОС. ПОЧТОВОЕ УНИВЕРПОЧТ МОСКВА. 12, Москворецкая ул., д. № 24/0. ПОС. ПРЕДП. ОБЩИЙ ПРЕЙС-КУРАНТ № 18—30 коп.

НОВИНКА ДОМАШНИЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИК САМОУЧИА
Устройство домашн. освещ., звонил., телефон. Изготовл. элем. аккумулят., трансформат., выпрямит. Радио-приемные установкн.
Электрооборудов. клубов, сцен, изб-читален, установка проекц. фонарей, кино-аппар. и пр., с 188 рис. и поясн. чертеж. Цена 2 р. 75 к.
Книжки, ослад „КИНГОСБЫТ“ М. А. Ивасенко и Ко. Москва, ул. Герцена № 15/25.

НОВЫЙ ПОЛНЫЙ САМОУЧИТЕЛЬ КРОЙКИ И ШИТЬЯ
женских верхних вещей, платьев и белья, детских вещей и мужского белья. В книге свыше 300 пояснит. рис. и черт. выкроек. Цена 3 р., с перес. 3 р. 35 к. При высыл. денег вперед пер. БЕСПЛАТНО.
Книжки, ослад „КИНГОСБЫТ“ М. А. Ивасенко и Ко. Москва, ул. Герцена № 15/25.

2-е исправлен. издание
К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ
МОЯ ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ
716+VII стран., с 64 иллюстр. на отдельн. мелов. листах и портрет. Станиславского, исполн. фототипией.
Цена без перепл. 5.50, в кол. перепл. 6.50.
Высылаем деньги вперед за пересылку не платит.
ИЗД-ВО „АКАДЕМИЯ“.
Москва, 9, Тверская, 26/0.

Внимание!!!
ПРОТИВОЗАЧАТОЧНЫЕ СРЕДСТВА
Д-р Дрекслер. Предохранительные средства в современной браке. Как предохранить себя от беременности, не прибегая к аборту. Единственное исправленное изд. с 26 рис. в тексте, 1 р. 20 к., с перес. 1 р. 50 к.
С. Клейн. Мое водолечение, испроб. в течение 40 лет. 1 р. 25 к., с перес. 1 р. 50 к.
Фрумзен. Как не стариться. 95 к., с пер. 1 р. 25 к.
Левенфельд. Гипноз и его техника, 2 р., с перес. 2 р. 40 к.
Высылают им. магазин „ТЕХНИКА И МЕДИЦИНА“ (Бр. Г. С. и И. С. Цуерман) Ленинград, пр. Золотарского 55/0.

ГОСТРЕСТ

НОВАЯ ЗАРЯ

О-ДЕ-КОЛОН ДУХИ ПУДРА МЫЛО

С этим № „ОГОНЬКА“ по 2-му и 3-му АБОНЕМЕНТАМ рассылаются книжки „Библиотеки ОГОНЕК“:
 А. ГАРРИ—Льды и люди; С. ГЕХТ—Полет за 15 рублей.

ПОСЛЕ БРИТЬЯ
 АНТИСЕПТИЧЕСКОЕ ЖЕЛЕ

АКО

Устраняет раздражение кожи, дезинфицирует и заживляет порезы, приятно освежает лицо.

Для лица в ружье, для лица в ружье, для лица в ружье, для лица в ружье.

Требуйте в аптеках и магазинах сапунных.

ЦЕНА 37 КОП

КООПЕРАТИВ **САЛЕН-МОСКВА**

МОСКВА, УЛ. ГЕРЦЕНА 9, ОТД. 110

СКОРО ВЫЙДЕТ ЖУРНАЛ
 „ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“

Акц. О-во „Советская энциклопедия“ — ГОСИЗДАТ РСФСР.

МАЛАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В ШЕСТИ ТОМАХ (в переплетках)
 Главный редактор Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ.

„Быть рупором пролетарской революции и орудием проявления классового самосознания широких масс, орудием просвещения и строительства—задача МСЭ“.

Из предисловия.

МСЭ—небольшая народная энциклопедия для широких масс.
МСЭ—рассчитана на средний актив советской общественности—городских рабочих, учащихся на разного рода курсах, на интеллектуальную и политическую верхушку рабочей массы—рабфаковцев, рабочий актив и рабочих пропагандистов, агитаторов, учеников старших групп трудовых школ, сельских учителей, передовой слой крестьянской молодежи и всех желающих пополнить свои знания путем самообразования.

Вышел том I.

Все издание будет закончено до 1-го июня 1930 года.
 Стр. 960 + 374 иллюстр.
 Подписная цена 5 р. 50 к. за том. Задаток 3 р. Пересылка за счет подписчика. Упаковка за счет издательства.
ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.
 Подписку направлять: Москва Центр, Ильинка, 3, ГОСИЗДАТ, Тел. 4-87-19, в отделения и магазины.

выписывайте БЕЗ РИСКА

ГИТАРЫ 18 р., 20, 22, 26, 30, 35 и дорожке.
МАНДОЛИНЫ 15 р., 19, 24, 28, 30, 40 и дорожке.
БАЛАЛАЙКИ трехструнные 5 р., 6, 7-50, 9, 10, 12, 14, 20 и дорожке.
4-СТРУННЫЕ на 50 к. дорожке.
6-СТРУН. на 1 р. 50к. дорожке.
СИРПЛИ подерж. 20 р., 25, 35, 45, 60 и дор.
ГАРМОНИИ: венские, двухрядные 21 клав., 12 басов—40, 50 и 65 р.; 23 клав. и 12 басов—75, 85.50, 100, 125, 140 р.
 Полувенские—28 и 35 р.

ОБОРУДОВАНИЕ ВЕЛИКО-РУССКИХ ОРКЕСТРОВ.

Заказы исполняются по получении 1/3 стоимости нал. плат. Полный иллюстрирован. прейскурант с историей музыки проф. С. М. Чеходанова высылается за 20 к. марками, влож. в конверт.

ОРГАНИЗАЦИЯМ БЕСПЛАТНО.
 „СПЕЦИАЛЬНАЯ“ Москва, Тверская 68/7, С. Н. МОМЕНТ.

МАРКИ Нов. прейс-кур. | **ОТКРЫТКИ**
 № 9 бесплатно |
БОНЫ высл. госуд. | **МОНЕТЫ**
 магазин марок |
 Ленинград, Пр. Володарского, 46.

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ БИБЛИОТЕКАРЕЙ
 по перепопдг.

ПРОФСОЮЗНЫХ БИБЛИОТЕК ПРИ К. О. ВДСС

ВОЗВОЗНИЛИ ПРИЕМ КУРСАНТОВ

НА КУРСАХ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ: Анисимов, Бузньер, Геровиц, Динамов, Кибрин, Лобов, Машбиц-Веров, Невский, В. А., Покровский, А. А., Сеглин, проф. Фриче, Яроцкий (Ченин).

Перспект и условия приема высылаются бесплатно. Адрес: Москва „11“, Дворец Труда, комн. № 422. Заочные курсы библиотекарей.

РАБОЧИМ И СЛУЖАЩИМ

МУЗ. ДЕПО

Тверская 70.

МУЗЫКА В РАССРОЧКУ

ГАРМОНИИ, ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГРАММОФОНЫ, ВЕЛИКОРУССК. ОРКЕСТРЫ Москва, Тверская, 70.

МУЗЫК. ДЕПО Д. В. ДИСТЕЛЬ. Телеф. 4-43-87.

Прейс-куррант и условия рассрочки высыл. за три 10-коп. марки, влож. в конверт.

Сноп. **ВОЛОС** (выпадение, перхоть и пр.), **УГРЕЙ**, пятен и др. космет. лечен. Волос, недост. и бол. кожи. Эл.-светолечение Гори. Солнц. Д-р М. Натцен. Тверская, к. 62.

ГРЕЧЕСКИЙ КРЕМ „Танаис“
 Придает лицу идеальную свежесть и белизну. Уничтожает угри, веснушки, желтые пятна и прыщи. Цена банки 3 руб. Адрес: гор. Азов, Дон. ок. П-ры Г. Мултанову.

Настоящий крепкий КРЕМ-МАКЕДОН.
 Уничтожает упорные недостатки кожи: угри, веснушки, желтые пятна и прыщи. Цена банки 3 рубля. Высылаются нал. плат. Адрес: г. Москва, ул. М. И. Васильевой, 12.

МУЗЫКА

ДЕШЕВЛЕ И ЛУЧШЕ ВСЕХ

БАЯНЫ

40 илав. 70 бао. 225 и 250, 49 ил., 90 бао.—300, 350 и 400 руб.
 2-хрядн. в 35, 40, 45, 55, 65, 75, 85, 100 и 125 р.
Гитары в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р.
Мандолины в 15, 18, 20, 25, 30, 40 и 50 руб.
Балаалайки в 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 р.
 Полный оборудование великорусских оркестров. Прейс-куррант за две 10-коп. марки высылают

1-е Моск. Музык. Т-во
 Н. АВИЛОВ, А. СОКОЛОВ и др.
 МОСКВА, Покровка 55/0.

И. МЮЛЛЕР
 НОВЫЕ КНИГИ

5 МИНУТ В ДЕНЬ Гимнаст. упражн. для развит. и сохра. физич. силы и здоровья. 168 стр. Ц. 80 к.

МОЯ СИСТЕМА раб. для здоровья. 160 стр. Ц. 110 руб. Ц. 1 р. 10 к.

МОЯ СИСТЕМА ДЛЯ ЖЕНЩИН управл. женев. Купание. Растирание. Что нужно, чтобы иметь стройную фигуру. Идеал женской красоты. 70 стр. 90 руб. на отдельн. листах. Ц. 1 р.

Книги высыл. налож. платаж. Анц. О-во Книжной Торговли Ленинград, вн. Гостин. Двора, 122.

Вышел специальный выпуск журнала „МОДЫ СЕЗОНА“

МУЖСКИЕ ФАСОНЫ СЕЗОНА 1929 ГОДА

Пальто, всевозможн. костюмы, обувь, мелочи мужского туалета. Специальные спортивные костюмы, хроника моды. В номере 20 страниц, из них 9 страниц красочных. ПРИЛОЖЕНИЕ: вырезная выкройка костюма.

ТРЕБУЙТЕ у газетчиков, во всех киосках и модных магазинах.

Цена отдельного номера—1 р. 50 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ: **МОСКВА 6,** Страсти. бул. 11, Анц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.

ЛУЧШЕЕ УКРАШЕНИЕ **ЖЕМЧУГ** исключ. красоты, франц. типа, но отлич. от настояш. „массивн.“, небульж. ожерелье, разн. 45 сант.—11 р., 100 сант.—16 р., 130 сант.—20 р., 150 сант.—23 р. Серьги с сер. замк.—4 р. Высыл. наложж. платаж.

Перес., упак. и страх. беспл. Москва, Почтамт, ящ. № 721/0. М. И. ВАСИЛЬЕВОЙ.

БЕРЕГИ СВОИ ВОЛОСЫ удаляй **УГРИ** лица **ПЯТНА-ДР.** дефекты

Испыт. преп. **Инстит. Космет.** Москва, ул. Воронск., № 1А (у А. Рубцев пл.). Адрес: МОСКВА 19, почт. ящ. № 11. М. В. Котлен. Спец. мыла 1). порошок „Кути-Фрик“ (прец. проф. Унна) **РЯБ** угрей. Цена 3 р. кор. 2). Медн. мыло „Сека“ (прец. д-ра Катцен) прот. угрей **ПРЫЩ.** жирновид. и красноты. 3). „Хиа-Салипп“ против **ПЕРХОТИ** и зуда. Цена выпадения в волос, **ПЕРХОТИ** 2 руб. флакон. 4). „Электроль“ стягивает **ПОРЫ** и удаляет угри, черные точ-расширенные, открытые **ПОРЫ** ки и салы. кожи. Ц. 2 р. фл. Заказы высылаются по получении задатка 50 коп. почт. марками.

ВЫШЕЛ № 43-й ЕЖЕНЕДЕЛЬНОГО САТИРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА „СМЕХАЧ“

В НОМЕРЕ: РАССКАЗЫ, СТИХИ, ФЕЛЬЕТОНЫ: Евг. Петров, Зубило, Эмиль Кроткий, Вяч. Шипков, Мих. Ковырев, В. Тобляков, Илья Ильф.

РИСУНКИ, НАРИСАТУРЫ, ШАРЖИ: М. Черемных, В. Козлинский, К. Ротон, Н. Денисовский, А. Радаков и др. Номер отпечатан в 8 красок. Цена отдельн. №-ра 15 к. ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ ОЧЕРЕДНАЯ НОМЕРНАЯ „БИБЛИОТЕКИ СМЕХАЧ“

Разослана всем подписчикам на журнал „СМЕХАЧ“ и поступает в розничную продажу:

№ 19-а Негритянские юморески.
 ЦЕНА НОМЕРНОЙ—15 коп.

ДЕПИЛЯТОРИЙ W. M. „ЭЛЭМ“

Порошок для моментальн. уничтожения волос. Ц. за банку 6 р. 50 к., 3 р. 50 к. и 1 р. 75 к.

Россеетерский восстановитель волос „ЭЛЭМ“ постепенно возвращ. седым волосам их натур. цвет, блеск и вид молодости. Флак. 2 р. 75 к.

Асептическое желе „ЭЛЭМ“ для успокоения раздраженной бритьем кожи и прекращении кровотечения в случае пореза, туба 30 к. и 60 коп.

Кооператив „ЭЛЭМ“ Москва 9, Тверская 15, отд. 1.

Высылаются налож. плат. по получ. 50% стоимости. ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!

